

Анна МАЛЫШЕВА

ИСТИННЫЙ МАСТЕР ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА



ЛЮБОВЬ ХОЛОДНЕЕ СМЕРТИ

МОЖНО НЕ ТОЛЬКО ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ РЕКУ, НО И УТОНУТЬ В НЕЙ



Анна Малышева

Любовь холоднее смерти

«АСТ»

2008

Малышева А. В.

Любовь холоднее смерти / А. В. Малышева — «АСТ», 2008

Лида и Алексей, студенты Литературного института, снимают комнату, как им кажется, очень удачно – недалеко от центра, недорого. Квартирная хозяйка – одинокая женщина с некоторыми странностями, но это их не смущает. Однако переезд на новую квартиру не приносит им счастья. Вскоре Алексей исчезает – ни звонка, ни записки. Лида заявляет в милицию, а сама тем временем пытается отвлечься от страшных мыслей работой. Это необычный заказ от издательства – написать продолжение последнего романа Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Пытаясь расшифровать истинные судьбы и мотивы диккенсовских героев, Лида начинает ощущать некую связь между той давней зловещей историей и своими нынешними злоключениями.

© Малышева А. В., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Малышева

Любовь холоднее смерти

...Стоя перед очередной незнакомой дверью, с пальцем, неуверенно поднесенным к звонку, каждый из нас делает для себя маленький выбор – уйти или все-таки позвонить? На самом деле выбор может оказаться важнее, ведь мы, задержавшись на перекрестке, ищем путь, которым двинемся дальше. И смутно чувствуем это, и сомневаемся, и все-таки звоним. Тот, кто скрывается за дверью, услышав неожиданный звонок, тоже решает вопрос – отпереть или притвориться, что никого нет дома? И колеблется, и боится, но все-таки отпирает. Мы оба выбрали нашу встречу, и вот стоим лицом к лицу, и вернуться на перекресток уже нельзя...

Глава 1

– Ну что же ты? – нетерпеливо спросил мужчина и, слегка отстранив жену, сам нажал кнопку. – Чертовски холодно!

По лестнице в самом деле гуляли ледяные сквозняки. В разбитое окно на площадке сыпалась сухая снежная крупа, на подоконнике уже лежал тонкий слой снега. Октябрьская метель поднялась неожиданно, будто вызванная колдовским заклинанием, и они оба замерзли в легких куртках, с непокрытыми головами. Правда, все это случилось уже на подходе к дому.

– Да? – послышалось из-за двустворчатой деревянной двери, когда-то выкрашенной в красно-бурый цвет.

Мужчина громко представился, и одна из створок приоткрылась.

– Разве это вы звонили? – недоверчиво протянула хозяйка. – Вроде голос по телефону был другой.

– Нет, звонила жена, – и он слегка подтолкнул Лиду вперед. – Она немного простужена, охрипла...

– Так входите, дует, – неожиданно нетерпеливо пригласили их.

Прием был не слишком радушный, но молодая пара уже не первый год скиталась по съемным квартирам и привыкла к нравам и манерам хозяев. Недоверчивость была еще не самой худшей чертой. Лида могла бы поклясться, что однажды ее попросту обокрали. После переезда с той несчастливой квартиры выяснилось, что исчезла ее куртка на меху и серебряный браслет. Правда, она не смогла бы указать виновного и потому смолчала. Алексей однажды переночевал в милиции из-за того, что поспорил с соседкой по коммуналке, а прописки у него к тому времени уже не было. Из отделения его вызволяла хозяйка комнаты – непрерывно плачущая и удивительно ловко лгущая старушка. Только ее ложь и помогла избежать штрафа: было придумано, что незаконный гость – ее внучатый племянник из Ростова, на которого она собралась составить завещание. Словом, неприятных приключений хватало, и потому Лида, следуя по темному, захламленному коридору, с бьющимся сердцем гадала, что их ждет. Если они поселятся здесь, конечно...

– Вот ваша комната, – и хозяйка с силой толкнула рассохшуюся дверь почти в самом конце коридора.

Лида успела отметить, что та уже произносит «ваша», хотя они еще ничего не видели... И вдруг почувствовала нечто вроде легкого головокружения.

Комната была прекрасна! После запущенной лестницы и грязноватой прихожей она являла такой контраст, что в первый момент Лида даже не нашла, что сказать. Она обвела взглядом стены, оклеенные свежими персиковыми обоями, безупречно белый высокий потолок с лепниной, широкую новую кровать (о, эти продавленные диванчики, от которых по утрам болел позвоночник, визгливые панцирные сетки, древние топчаны и раскладушки!). Алексей с тем же оцепенелым видом разглядывал круглый стол под чистой скатертью, вместительный старинный шкаф с зеркальной дверью, и вот диво – современный холодильник в углу! Тот, который у них был на последней квартире, приходилось размораживать с помощью молотка и зубила...

Хозяйка тем временем подошла к окну, с помощью костяного крючка раздвинула уходящие в поднебесье шторы и велела (именно велела) оценить вид.

– Окна в сквер! – сказала она. – Тихо, зелено, южная сторона.

«Мы эту комнату не осилим, – лихорадочно соображала Лида. – Чудес не бывает, потому что... Да потому, что не бывает».

– Сколько? – спросила она еще более охрипшим голосом.

Но хозяйка все-таки ее услышала. Она снова миновала оцепеневшую посреди комнаты пару, зажгла свет и с достоинством назвала цифру.

– Сто долларов?! – прохрипела Лида, окончательно теряя почву под ногами. – Всего сто?!

– Коммунальные услуги оплачиваются отдельно, само собой, – поправила ее хозяйка. – У вас личный счетчик в коридоре, ну а плата за телефон и квартиру будет пополам.

– Мы берем эту комнату, – быстро сказал Алексей. – Сегодня же переедем. Можно?

– Она свободна, отчего же нельзя. Задаток за два месяца вперед, и можете перевозить вещи, – ответила та, все с тем же достойным видом поправляя на груди кружева ночной рубашки, выбивающиеся из-под халата. Ее оплывшее, но все еще красивое лицо – маска спившейся Элизабет Тейлор – казалось заспанным, хотя давно перевалило за полдень.

Алексей торопливо достал деньги и пригласил хозяйку к окну – рассчитаться. Они склонились над маленьким письменным столиком в углу и произвели расчет. «Лиз Тейлор» привычно черкнула расписку и осведомилась об именах постояльцев.

– А меня зовут Вера Сергеевна, – представилась она. – Но учтите – комната у меня без регистрации.

– О, нам не нужно!

– Тогда еще лучше. Можно взглянуть на паспорта? Я вас беру с улицы, так что...

Она мельком, словно не особенно интересуясь, перелистала странички двух книжечек и вернула их владельцам с несколько лукавым видом. «Выяснила, что мы не женаты официально», – подумала Лида. Но это ее уже нисколько не коробило – она успела привыкнуть к таким лукавым взглядам.

– Значит, с сегодняшнего дня и переедем, – суетился Алексей. – За пару дней управимся, как думаешь, Лида?

Они встретились взглядами. «Я не верю этому, – говорили глаза жены. – Такого быть не может». «Но ты же видишь, все в порядке!» – сияли его глаза.

– Условий у меня немного и все простые, – говорила тем временем Вера Сергеевна, слегка шурша в кармане купюрами. – Музыка по ночам не включать, гостей ночевать не оставлять, чистить за собой ванну, раковину и унитаз, если испачкаете... Плиты, если зальете, тоже, разумеется. Плита у меня одна, но конфорки четыре, думаю, не подермесь.

– Да нет конечно, что вы! – поддакивал Алексей.

– Ну, что еще? – нахмурилась хозяйка. – Помойное ведро, уж будьте добры, заведите свое. Если нет, я выдам, у меня в чулане отыщется лишнее.

Она говорила еще что-то, а у Лиды в голове эхом отдавались требования прежних квартирных хозяев: «Никакой музыки, никаких гостей, мыть полы в прихожей каждые два дня, выносить ИХ мусорные ведра, помогать делать уроки ИХ детям...» Иногда все это высказывалось прямо, иногда маскировалось под просьбу, особенно если хозяева были стары...

– Разумеется, – сказала она, когда Вера Сергеевна смолкла. И снова поразились, до чего та смахивает на спившуюся Лиз Тейлор – даже черные крашенные волосы торчат такими же жесткими, разлохмаченными прядями. – Нам все-все подходит. Вот только...

– Да? – насторожилась та.

Молодые люди переглянулись и почти в один голос сказали:

– Машинка.

– Стиральная? Можете стирать в моей, если желаете, – повела плечом хозяйка.

– Нет, пишущая, – поспешил объяснить Алексей. – У Лиды пишущая машинка, и иногда по ночам она...

Та даже не дала ему закончить фразу. Махнув пухлой рукой, хозяйка заявила, что у нее сто раз жили студенты и аспиранты, и все, как один, стучали по ночам на машинках. И вообще, она против таких звуков ничего не имеет. А вот музыка, да еще громкая, вызывает у нее аллер-

гию. Ей клятвенно пообещали, что музыки не будет ни громкой, ни тихой, и Вера Сергеевна, вручив квартирантам ключи, удалилась.

Они остались одни, все еще недоверчиво осматривая комнату.

– Чур, это будет мой столик, – бросилась Лида к окну, поглаживая старую обивку стола из черной клеенки. – Кажется, не расшатан... И ящики открываются... Чудо!

– А там будем обедать, – Алеша попробовал на прочность круглый стол. Тот не поддался – стоял, как прибитый гвоздями. – Надо же! Мебель в полном порядке! А ты помнишь тот стол...

– А ты...

Они одновременно начали эту фразу, замолчали и вдруг начали смеяться. Потихоньку, чтобы не услышала хозяйка. О здешней акустике они пока не знали ничего.

Эти тайны еще предстояло раскрыть, но им хотелось смеяться и потому они делали это шепотом.

– Неужели может так повезти? – прошептала Лида, стараясь справиться со смехом, от которого еще сильнее сдавливало больное горло. – Ведь это случайность, невероятная случайность!

И в самом деле, они нашли комнату случайно. Вчера, возвращаясь от жившей неподалеку подруги с одолженными книгами, Лида решила пройтись до метро пешком. Она слегка заплутала, углубившись в переулки, и в конце концов оказалась в совершенно незнакомом месте. Спросила дорогу – оказалось, что метро совсем рядом. Лида успокоилась и по привычке остановилась возле доски с объявлениями, на краю пустого осеннего сквера. Читать объявления вошло у нее в обычай с тех пор, как они начали скитаться. Обращаться в агентства им было не по карману – жаль платить комиссионные посредникам. Комнаты искали через знакомых, а если не везло – то как придется. А новая комната была срочно необходима молодой паре. Со старой их не гнали, ни в коем случае – для хозяйки такие безответные жильцы были настоящей находкой. Но они сами были бы рады уйти от кухонных склок, цыганящей лишние деньги старухи и щелистого окна, из которого так дуло, что Лида простужалась уже в третий раз за эту осень, хотя настоящих холодов еще не было.

Она внимательно прочла все предлагавшиеся варианты. Подходящих было всего два – в остальных рекламировались квартиры. Одна комната (восемь метров, еще два соседа, двадцать минут автобусом до метро) вызвала у нее большие сомнения. Хотя наверняка очень дешево, но тесно и далековато, да и работать там, скорее всего, будет невозможно. Вторая комната – двадцатиметровая, с полной обстановкой и одной хозяйкой – была бы идеальна, но... «Скорее всего, окажется не по карману, – рассчитывала Лида. – От метро пять минут, и это будет стоить никак не меньше ста пятидесяти долларов... Цены опять выросли! Да к тому же комната наверняка уже сдана. Я сорвала самый последний квиток...»

Созвонились с хозяйкой, и выяснилось, что жилье все еще свободно. Та не отрицала, что ищет жильцов, но комнату почему-то не расхваливала, о прописке не спросила, цену не назвала... Говорила как-то уклончиво, назвала только адрес, время и просила прийти точно – она-де будет очень занята. Назавтра отправились смотреть, почти безо всякой надежды и вот...

– За нашу прежнюю мы платили сто двадцать, – восхищалась Лида. – Но ведь никакого сравнения быть не может!

– Еще бы – четыре соседа, кухня страшная, тараканы по ночам с потолка падают! Один диван чего стоит! Это же орудие инквизиции!

Оба покачали головами. Диван был так бессовестно мал, что сдавать его «молодой паре» могла только древняя старушка, давно забывшая о том, что значит спать вдвоем.

– И что мы ей скажем? – пробормотала Лида, имея в виду прежнюю хозяйку.

– Ничего. Просто переедем. Кстати, и месяц заканчивается. Хорошо, что не заплатили вперед!

– Она бы ни за что не вернула деньги!

Переезжать начали в тот же день. Не поскупились даже на такси, чтобы перевезти самые громоздкие коробки. Остальные вещи Алеша вызвался отвезти завтра наземным транспортом, в сумках.

– Сделаю несколько рейсов и все, – радостно говорил он, усаживая Лиду на переднее сиденье. – Когда ты вернешься из института, все уже будет на местах.

– А старушка расстроилась, – задумчиво заметила она, когда машина тронулась с места. – Я впервые узнала, как она к нам привязалась.

– В таком случае она с удивительной твердостью это скрывала! Когда эта мегера вчера орала на тебя за сдвинутый тазик в ванной, то ни расстроенной, ни привязчивой не выглядела, – возразил Алеша.

Лида промолчала. Ей не хотелось обсуждать такие личные мелочи при таксисте. Муж тоже замолчал. Он сидел сзади, бережно устроив на коленях пишущую машинку и придерживая съезжавшие с сиденья сумки. Девушка смотрела в окно. Да, вариант был найден чудесный, и хозяйка – по крайней мере пока – казалась весьма миролюбивой. «Странно, – подумалось ей, – почему же комната не досталась тем, кто звонил до меня? Объявление висело не первый день, некоторые буквы растеклись от дождя. Может быть, Вера Сергеевна разборчива, а мы ей понравились больше остальных?»

Но так или иначе, теперь у нее был столик у окна в сквер, лампа на столике, возможность работать по ночам, выпавшись после долгих лекций. Алеше стук машинки не мешал – он уверял, что даже лучше засыпает, когда рядом кто-то шумит. Это-де привычно ему с детства и напоминает родимый дом. Значит, несколько часов в сутки, ночью, ей будет казаться, что она совершенно одна. Это было необходимо... Глоток одиночества, минута тишины – кто может оценить это сокровище лучше вечных скитальцев по съемным комнатам, где они всегда у кого-то на глазах!

– Теперь куда? – впервые прервал молчание таксист.

– Вот этот поворот, – быстро ответил Алеша.

Все еще буйствовала метель, но к вечеру заметно потеплело. Пушистый снег, касаясь земли, тут же таял, и, выйдя из машины, они пошли к подъезду, оставляя на снегу четкие черные следы. Дверь Лида отпирала уже сама.

* * *

Вера Сергеевна к их возвращению переделалась и даже, как показалось Лиде, подкрасилась. Теперь, в розовых брючках и белом свитере, дама выглядела еще эффектней. И если при первой встрече Лида дала ей лет пятьдесят, то сейчас затруднилась бы определить возраст хозяйки.

– Отлично, – заметила та, увидев узлы и коробки, которые втаскивали в прихожую. – Вы, я гляжу, сразу оценили новую комнату? Наверное, старая была так себе.

– Мягко сказано, – согласился Алеша, сразу бросаясь обратно, за оставшимися в такси вещами.

– Что бы мы без вас делали! – крикнул он через плечо.

«Это он зря, – подумала Лида, начиная переносить узлы в комнату. – Она может подумать, что нам вовсе некуда деться, и сразу повысит плату. Однажды так уже было, а деться нам тогда и впрямь было некуда... Пришлось платить на двадцать долларов больше прежнего».

Но Вера Сергеевна пропустила его слова мимо ушей. Без всяких просьб со стороны девушки она принялась помогать. Подхватила тяжелую пишущую машинку и направилась в комнату. Безошибочно угадав намерения жилички, поставила футляр на столик у окна. Вер-

нулась с тяжелой коробкой, которую просто-напросто везла за собой по паркету. Лида даже не успела запротестовать.

– Вы студенты? – спросила хозяйка, затаскивая коробку в угол, чтобы освободить проход. – Какого курса?

– Я на пятом, а муж давно закончил институт, – ответила Лида. – Два года назад.

– Потому у него и нет регистрации? – посочувствовала та. – А что, неужели не нашлось знакомых, которые бы выручили? Ведь можно устроить временную прописку, без проблем. Он россиянин.

– К сожалению, никто не решился взять на себя такую обузу, – призналась девушка. – Да в общем это и не важно. Работа у него есть, как-то живем.

– А вы что будете делать после института? – продолжала расспрашивать хозяйка.

Ее любопытная навязчивость могла бы показаться неприятной, но Вера Сергеевна так любезно помогала переносить вещи и ее комната была настолько чудесной... Лида честно ответила, что пока ничего не наметила, но не думает, что пропадет без работы. Что-нибудь подыщет.

– Вообще-то я учусь на отделении художественного перевода, но мне хотелось бы стать... – Она смущенно заулыбалась. – Писателем.

– Замечательно. – Вера Сергеевна даже не удивилась. – Самое то для молодой женщины. Можно сидеть дома и параллельно заниматься хозяйством. Вы где учитесь? Университет? Иняз? Литинститут?

– Последнее.

– Ну и чудно. – Хозяйка удалилась, бодро втащила вторую коробку и отряхнула руки. – С новосельем вас!

В это время вернулся Алеша. Задыхаясь, он внес две огромные сумки и обессиленно опустился на край постели. Вера Сергеевна попрощалась, пожелала спокойной ночи и вышла.

– Она так любезна, что я даже не знаю, как себя вести, – призналась Лида, закрыв за нею дверь. – Мне перед ней неловко.

– Что тут неловкого?

– Надо бы как-то... Бутылку шампанского, что ли, с ней выпить...

Алеша выразительно указал пальцем на смежную стенку:

– Думаешь, мадам пьет?

– И ты заметил?

– Да, глаза опухшие, лицо тоже... Отечное какое-то. Но вообще-то на алкоголичку не похожа. Приличный вид...

– Все может быть. – Лида открыла шкаф и вяло принялась развешивать одежду. На нее как-то сразу навалилась вся дневная усталость. Радостное возбуждение прошло, она чувствовала, что через час уснет. – Живет, кажется, одна. Так было сказано в объявлении.

– Интересно, кто-нибудь, кроме нас, к ней приходил? – Алеша достал постельное белье и вытащил из узла подушки. – Посмотри, какое ложе! Неужели мы этой ночью не будем спать валетом?!

– И не будет пружины, которая норовила проткнуть мне печень!

Они по очереди приняли душ, потихоньку, еще не освоившись, вскипятили чайник на чистой, пустой кухне, где на окне стояли буйно цветущие фиалки. Девушка не переставала сравнивать новую квартиру с предыдущей, и все сравнения были к лучшему. Плита была новенькой и зажглась без капризов. Кран над раковиной даже не делал попыток хулигански свистнуть и плюнуть водой в того, кто к нему прикоснется. Если тут и были тараканы, то, по-видимому, они пока стеснялись новых жильцов и не показывались на глаза.

Когда супруги легли в постель, Лида блаженно заворочалась, повернулась к мужу и прижала к его плечу горящее лицо.

– У тебя температура поднимается! – испугался он.

– Вроде нет. Устала... Знаешь, даже если хозяйка пьет, мы все равно попали в рай.

– Это верно. И слышишь, какая здесь тишина?

Они замолчали. Хозяйка не солгала – под окнами в самом деле за весь вечер не проехала ни единая машина. В ее комнате за стеной тоже было тихо, даже телевизора не слышно. А возможно, стены были достаточно толстые.

– Ты начнешь работать завтра? – сонно поинтересовался Алеша. – Сделай паузу, подумай...

– Не могу. Я обещала сдать рукопись в декабре, а сейчас октябрь кончается. Я и так все думаю, думаю об этом! Пора наконец начать!

– И ты веришь, что сможешь?

Она промолчала, закрывая горящие глаза. Тихо и темно, широкая мягкая постель, дыхание засыпающего мужа рядом. «Я смогу, – подумала она. – Хотя бы потому, что должна все это сохранить. Я напишу эту книгу, во что бы то ни стало!»

* * *

Они были вместе пятый год – с того осеннего дня, как впервые столкнулись в коридоре общежития. Лида шла от кастаньяни, прижимая к груди стопку белья, подушку и два одеяла. За этой грудой она не разглядела парня, поднимавшегося ей навстречу по лестнице, и ахнула только тогда, когда отлетела к стене, а подушка покатилась вниз по ступенькам. Остальное ей удалось удержать.

Алеша поднял подушку, отряхнул ее, помог донести до комнаты. По дороге они посмеялись и познакомились. Он учился на четвертом курсе, посещал поэтический семинар. Она только что поступила на отделение художественного перевода. Вторым языком у нее был испанский.

Через два дня, встретив девушку на перемене, он пригласил ее в кино. Они сходили в «Киноцентр» на Красной Пресне, но сейчас Лида смутно вспомнила бы, что они смотрели. Этих походов позже было без числа, даты и фильмы смешались, остались только обрывки воспоминаний о необычайно теплой, долгой осени, какая стояла в том году. Снег выпал только в конце ноября, и к тому времени молодые люди уже обитали в одной комнате. Этого удалось достичь путем тройного обмена с соседями по общежитию.

Алеша ничего от нее не требовал и на этом переезде не настаивал, но Лиде самой надоело встречаться мимоходом, урывая случайные свободные часы, когда их соседи по комнате куда-то уходили по вечерам. Это было унижительно – каждую минуту ждать стука в дверь и, как бы ни кружилась голова от поцелуев, помнить, что ты в общежитии, что любая личная жизнь тут относительна, а то, что ты сам называешь любовью, другие назовут «сошлись».

Однако к их связи отнеслись довольно мягко, можно сказать – одобрительно. О них даже не сплетничали. В общежитии многие жили парами, и вряд ли коменданту было известно, в каких именно комнатах обитают студенты, – все менялось чуть ли не каждый день. Создавались и распадалась мимолетные браки, рождались дети, о которых начальство якобы ничего не знало, хотя те целыми днями играли в коридорах. Раздавались пощечины и поцелуи... А Лида с Алешей без шума и трагедий оставались вместе, в маленькой комнатке рядом с кухней. Они сами купили и наклеили обои, уезжавшая на родину грузинка подарила им несколько горшков с цветами, араб – кресло, молдаванка – занавески... Комната стала уютной, и, если забыть о желтом, странно пахнущем коридоре за дверью, можно было вообразить, что они обзавелись настоящим домом. Однако этому воображаемому миру скоро пришел конец.

Прошло два года, и Алеша закончил институт. В сущности, это было радостное событие. Радостное для кого угодно, но не для него. У него кончилась прописка. На первых порах,

когда бывший студент проходил мимо вахты, знакомый охранник все еще здоровался с ним... Но вскоре насторожился и начал расспрашивать об аспирантуре. Документы, конечно, были поданы, но Алеша провалился. Конкурс в том году был слишком велик, а глубокими познаниями парень не блистал.

В то лето Лида домой не уезжала. Она помогала мужу готовиться к экзаменам, вместе с ним ходила в библиотеку, собирала материалы для проекта кандидатской диссертации... Все оказалось бесполезным. Девушка была в отчаянии.

– Что ж, снимем где-нибудь комнату, и я найду другую работу, – бодро утешал ее муж, когда стало ясно, что надежд на его поступление больше нет. – Настоящую работу, на целый день, а не приработок, как сейчас. Подумаешь, что прописка кончилась, она не везде требуется. Поживем так, пока ты не закончишь институт, потом будет видно.

– Да-да, снимем комнату, – уныло соглашалась она. – Я тоже попробую работать.

Он прижал пальцем кончик ее носа, сказал «пип!» и весело заявил, что такую маленькую девочку никто не работу не примет.

Лида улыбнулась, но ей было страшно. Прожив в общежитии два года, она успела наглядеться на то, как просто и жестоко распадались студенческие браки – в том числе и те немногие, что были зарегистрированы официально. Сокурсникам приходилось чуть легче: как-никак они вместе поступали, вместе оканчивали институт и вместе уезжали – причем иногда в одну и ту же сторону. Но если муж и жена учились на разных курсах, их неизбежно ждали долгие скитания по съемным квартирам, нелегальные ночевки в общежитии, взятки коменданту, унижительные прошения на имя ректора... И чаще всего семьи распадались.

Лида знала, что в Ростове-на-Дону, откуда Алеша родом, его с нетерпением ждет большая семья – мать с отцом, две сестры, семьи сестер, племянники, старики... Она ни с кем не была знакома, но знала всех по фотографиям, которых у мужа был целый альбом, и понимала – войти в эту семью будет непросто. У всех был такой счастливый, сплоченный вид, что казалось – пришло им не надо.

– Не выдумывай, – уверял ее муж. – Мама, знаешь, как тебя полюбит?

– С чего ты взял?

– Она любит всех, кого люблю я.

Возражать было бессмысленно – Лида и сама понимала, что преувеличивает свои страхи. Но как ей было не бояться, когда в ее собственной семье не было ни таких ясных улыбок, ни спокойных взглядов, а если делались семейные фотографии, то люди на них напоминали случайных прохожих, которых силком согнали в кучу и принудили смотреть в одну точку!

– Почему ты не хочешь съездить на лето в Ростов? – уговаривал ее муж, когда еще учился. – Не хочешь жить у родителей – поживем у сестер, любая будет рада! Они мне все время пишут письма, хотят познакомиться с тобой!

– Алеша, мне нужно время, чтобы решиться!

Но все-таки они снялись вместе и послали его родителям фотографию. Это было сделано как раз в ту пору, когда Алешу выселили из общежития. Молодые люди снялись в осеннем парке, на фоне замерзающего черного озерца. Фотоаппарат держал ребенок, случайно проходивший мимо них с собакой. Он очень старался, но, вероятно, снимал впервые, так что умудрился запечатлеть самого себя – в кадр попал краешек его пальца, напоминавший розовый воздушный шарик. Молодые люди улыбались, торопливо и зябко обнявшись, и сами в этот момент были немного похожи на детей – чем-то встревоженных, но все-таки счастливых, особенно Лида. Она и ростом походила на девочку – ее голова едва доставала Алеше до плеча, хотя тот вовсе не был великаном. Ее русые волосы спутались от резкого ветра, темные глаза блестели, губы и щеки порозовели от холода. Муж покровительственно держал ее за плечи, но его лицо казалось таким юным, что ему самому не мешало бы сыскать покровителя. Это его расстраивало –

парень жаловался, что никто не дает ему настоящих лет, не верит, что ему уже двадцать шесть, все принимают за восемнадцатилетнего.

– Может, мне отпустить бороду? – советовался он с женой.

– Ни в коем случае! – пугалась она. – Представь себя с черным веником на подбородке... Ужасно!

Но в ту осень они беспокоились не о бороде. Алеше пришлось искать работу, которая позволила бы оплачивать комнату. Денег из дома ему не присылали никогда, и он вовсе не обижался на это, а даже гордился своей самостоятельностью.

– Они бы могли присылать немножко, – объяснял он жене, когда молодая семья в очередной раз садилась на овсянку. – Но я сам не желаю. Детство кончилось, и это необратимо!

А Лида, согласно кивая и пережевывая кашу, больше похожую на размокшую промочку, сокрушалась о том, что никак не решится отказаться от помощи из дома. Приятно было бы стать независимой, не выслушивать нотаций по телефону, чувствовать себя взрослой... Но придется сесть на шею Алеше, а ему и так все время приходится искать приработок. «Хотя бы одежду я буду покупать сама, – решила девушка. – Уже что-то...»

Так или иначе все наладилось. Конечно, если не считать голодовок и неудач, сварливых хозяев и вечного страха перед милицией. Если не думать о завтрашнем дне, о пустом холодильнике, о близкой зиме и совершенном одиночестве в Москве... В остальном все было чудесно – молодые люди искренне так полагали.

Они жили на съемных квартирах третий год. Алеша работал, часто возвращаясь «домой» в таком состоянии, что жене приходилось его раздевать и укладывать в постель, как ребенка. Его слишком юное лицо стало чуть жестче, но глаза не ожесточились – они по-прежнему смотрели с тем мягким, беспечным выражением, которое дается лишь внутренним покоем. Лида училась, ходила в библиотеки, сомневалась, стоит ли думать об аспирантуре – в конце концов нужно пожалеть мужа, уезжать из Москвы, им никогда не заработать столько, чтобы остаться здесь! Иногда ей удавалось найти мелкий приработок – случайный перевод или перепечатку курсовой работы. Алеша ее утешал:

– Не беспокойся, это на нас, поэтов, небольшой спрос. А ты получишь диплом переводчика и будешь зарабатывать кучу денег!

Но Лида вовсе не была в этом убеждена.

– Сейчас на эту профессию спрос небольшой, – говорила она. – Чтобы устроиться на денежное место, нужны такие связи... Все забито на годы вперед! Конечно, что-нибудь я заработаю... В какой-нибудь фирме... Да и тебе нужно определиться!

В последнее время Алеша и впрямь определился. Он устроился менеджером в строительную фирму. В строительстве и стройматериалах он не понимал ничего, да этого от него и не требовалось. В сущности, он исполнял функции секретаря, о карьерном росте не думал, но зарплата давала возможность оплачивать комнату и содержать свою маленькую семью. В то же самое время повезло и Лиде...

– Есть возможность заработать, – как-то сказала ей сокурсница. – Конечно, полная халтура, но если напрячься, то тысяча долларов тебе обеспечена.

– Да что ты?!

– Я нашла одно издательство, – делилась та секретами в полуподвале, под лестницей. Там была устроена курилка. Перемена кончалась, студенты разбегались по аудиториям, но Лида никуда не торопилась – она была готова слушать подругу хоть до конца лекции. – Они, в общем, больше торгуют книгами, чем издают их, но в последнее время решили выйти в большое плавание. Начали с чепухи – детективчики, конечно, какие-то переводные. Справочники вроде «Домашнего доктора», «В помощь молодой хозяйке»...

– Ну и?.. – расстроилась Лида. – Я не сумею написать детектив.

– Да и не нужно писать. Нужно только закончить уже написанное!

Девушка непонимающе взглянула на подругу:

– Закончить? Все равно не смогу, детектив есть детектив. Это не мое, ты знаешь.

– Твое-твое! – Та улыбалась как-то загадочно, почти иронически. – Даже не представляешь, насколько это по твоей части!

– С чего ты взяла?

– Ты у нас переводчик? С английского?

Лиде показалось, что она поняла.

– Я слышала о таком. Нужно написать роман как бы от лица английского автора, да? Под псевдонимом? Переписать чужой сюжет?

– Брось, это не тот случай. Понимаешь, они хотят выпустить на рынок такую небольшую бомбочку. Им думается, что это всех заинтригует, и кто знает... – Подружка глубоко-мысленно выпустила струйку дыма: – Вдруг они окажутся правы? Тогда и ты прославишься, потому что никакого псевдонима не будет. Говорю же тебе – ты должна будешь написать окончание неоконченного романа!

– А почему автор сам не может? – Лида была сбита с толку. – Он умер?

– Ты даже не представляешь, как давно он умер. – Та уже открыто смеялась.

– Ну ладно тебе, Светка, ты так таинственно выражаешься! – взмолилась девушка. – Скажи прямо, что это такое?

Но когда она услышала, в чем дело, ей и самой захотелось смеяться. Она прижала руки к разгоревшимся щекам – Лида всегда легко краснела – и поддержала веселье подруги:

– Закончить «Тайну Эдвина Друда»?! Дописать Диккенса?! Они рехнулись!

– Тысяча долларов, – напомнила Света. – Желающие найдутся, будь спокойна! Я первая узнала, потому и хочу, чтобы ты опередила других! Ты должна это сделать!

Лида уже утирала выступившие от хохота слезы:

– Вот именно я и больше никто?

– Именно ты, – настаивала Света, уже без улыбки. – Во-первых, ты переводчик, во-вторых, ты любишь Диккенса, а стало быть, не напорешься чепухи, в-третьих, ты по крайней мере грамотный человек и у тебя приличный стиль.

– Именно поэтому я и не возьмусь за такую ерунду, – перебила ее Лида. – Это в-четвертых!

– Смотри, пожалеешь! – предупредила подруга. – Напишет за тебя какой-нибудь на все согласный поденщик, заработает свою тысячу, а на Диккенса ему будет плевать! А ты купишь на лотке книжку, прочтешь... И тебе будет стыдно. За Диккенса, что его выставили недоумком, и за себя, что отказалась.

Их спор прервало появление карающей силы – охранник, услышав в конце тихого коридора голоса, явился выяснять, что происходит. Девушки бросились в аудиторию.

Вечером Лида передала это предложение Алеше в качестве веселой шутки. Но тот, к ее изумлению, отнесся к предложению очень серьезно.

– Почему нет? – сказал он. – Это безумно интересно, я бы и сам взялся, но ты же понимаешь, работа все время отнимает.

Неожиданно Лида почувствовала нечто вроде укола ревности. Он бы взялся?! Он, прочитавший только «Оливера Твиста», да и то в детстве? Не знающий и сорока слов по-английски (как его ни натаскивала жена, Алеше с трудом натянули тройку в дипломе). Значит, ему думается, что дописать «Тайну Эдвина Друда» – самый загадочный, странный и непредсказуемый роман Диккенса – пустяк?! И ее поразило, как горяча оказалась эта обида – едва ли не первая обида на мужа.

– Знаешь ли... – натянуто сказала она, отодвигая пустую чашку. – Это весьма специфическая работа.

– Чем же? – Алеша не заметил ее раздражения и спокойно продолжал пить чай.

– Диккенс умер, едва успев написать половину романа. – Девушка в сердцах принялась убирать со стола, муж едва успел спасти от нее свою чашку и сухари. – Нигде в его бумагах не было найдено указаний на то, как дальше развернется сюжет. Ничего нет, представь! Белое пятно! Он поставил перед собой новую задачу – закрутить совершенно ошеломляющую интригу, которая оставит с носом всех, кто попытается раскрыть ее прежде, чем дочитает книгу до конца! Его всегда упрекали за то, что он плохо держит сюжет, что его развязки слишком предсказуемы – чуть ли не с середины романа ясно, чем он окончится. И вот Диккенс решил создать тайну, которую никто не сможет раскрыть вплоть до последней страницы!

– Получился бы классный детектив. – Алеша достал сигарету. – Значит, его упрекали за слабые сюжеты?

– Вот именно. – Лида чуть остыла. – Говорили, что в описании бытовых сцен он достиг совершенства, но это все, за что его следует ценить как писателя. А еще утверждали, что он не умеет искусно раскрывать факты, которые на протяжении романа держал в тайне. Вот он и поставил перед собой абсолютно новую задачу – создать непредсказуемый сюжет, тайну, которую никто не сможет разгадать на полпути! Нет, это безумие – закончить «Эдвина Друда»! Многие пытались это сделать, и у всех получились разные версии!

– Seriously, были попытки? – все больше удивлялся муж.

– Около десяти. – Лида отодвинула в сторону поднос с грязной посудой. Она, как всегда, вымоет ее позже, когда обитатели коммуналки уйдут с кухни к своим телевизорам. Она будет стоять у ржавой, засаленной раковины с плюющимся краном, а муж будет ее охранять, потому что на кухню может зайти весьма неприятный тип – еще нестарый, брюхатый сосед, который вечно щеголял в сатиновых трусах до колен и проявлял к маленькой девушке слишком живой интерес.

– Вот оно что, – пробормотал Алеша, аккуратно давя окурок. – То есть ты будешь не первая... Тогда тебе нужно написать так, чтобы это отличалось от предыдущих попыток. Сложно...

– Да нет! – снова разгорячилась она. – Нужно написать так, чтобы это было... Было правдой! Тем, что хотел написать сам Диккенс!

В тот вечер они больше не говорили об «Эдвине Друде». Лида чувствовала, что еще немного – и она сорвется, хотя и не понимала, почему такая отвлеченная тема довела ее чуть не до истерики. Ночью она осторожно ворочалась на костлявом диванчике, подминала кулаком пружину, которую считала личным врагом, пыталась согреть спиной холодную стену – отодвинуться было невозможно, мешал спавший с краю Алеша. И впервые, лежа рядом с мужем, думала о другом молодом человеке. О юном, смешливом и легкомысленном джентльмене, которому жизнь казалась забавной игрой, приятной прогулкой... Которого никто не воспринимал всерьез, пока он не исчез – в склепе, во тьме, в ненаписанной части романа.

«Жив или умер? Это знал только сам Диккенс. Последователи и критики утверждали разное. Эдвин умер – предательски задушен своим дядей, погребен в чужом склепе, тело сожжено известью, чтобы не осталось никаких улик. Нет, предполагали другие: он жив – чудесным образом спасся и скрылся в Лондоне, под защитой опекуна своей невесты. А были и те, кто утверждал, будто Эдвин в гриме, в парике, под чужим именем вернулся из Лондона в родной город, чтобы собрать улики против своего убийцы. Кто прав? Жив или умер?»

...Алеша всегда вставал на час раньше жены. Он сам варил себе кофе, намазывал большой бутерброд и потихоньку одевался, стараясь не разбудить Лиду. Та в это время блаженно раскидывалась на освободившейся части постели и, как правило, просыпалась от звонка будильника, когда комната была уже пуста. Но на этот раз она проснулась оттого, что муж теребил ее плечо:

– Открой глаза! Проснись!

– Что?! – Она задохнулась, испуганно приподнялась на локте.

– Ты сейчас такое говорила! – также тревожно продолжал муж. – Напугала меня! Что – снился какой-то кошмар?

– Я говорила во сне? – Девушка силилась проснуться окончательно, но какая-то смутная тень еще мелькала перед глазами, иногда затмевая реальность. – Что именно?

– Ты стонала: «Буря, дождь... Старуха узнала его на кладбище!» И еще что-то, только я не разобрал. Все твердила про какую-то старуху и лицо какого-то отца.

– Да, мне снилась старуха. – Лида окончательно пришла в себя. – Никто и не задумался, почему она так испугалась, впервые увидев Эдвина!

– Что?!

– Извини. – Она встала, торопливо накинула висевший на гвозде халат. В комнате стоял ледяной холод, в оконное стекло бросался октябрьский дождь. – Что-то нехорошее приснилось. Что-то не то...

Через два дня, тщательно все обдумав, она взяла у Светы адрес издательства. И еще через день подписала договор, в котором указывалось, что она, Никитина Лидия Павловна, в дальнейшем именуемая «Автор», обязуется предоставить в издательство рукопись, условно именуемую «Продолжение “Тайны Эдвина Друда”», не позднее тридцать первого декабря сего года. И взяла аванс.

...И тот, кто наугад берет с полки книгу, неуверенно открывает ее и после коротких колебаний все-таки начинает читать, иногда выбирает для себя больше, чем просто развлечение на вечер...

Глава 2

Она вернулась из института позднее обычного. Света пригласила ее в маленькое кафе неподалеку, и девушки провели целый час за чашкой кофе, обсуждая планы на будущее.

– Везет тебе, – сказала Света, задумчиво размешивая сахар ложечкой. – Я бы так хотела пожить отдельно от родителей! Хотя бы полгодика! Ты не представляешь, как они меня достали!

– А ты не представляешь, как иногда надоедают эти съемные квартиры, – в свою очередь пожаловалась Лида. – Но эта, кажется, самая лучшая. Такая прекрасная комната, совсем как после ремонта. Большая, окна в сквер, мебель в порядке. Да и хозяйка довольно симпатичная. Помогала таскать вещи, представляешь?

– И всего за сто долларов, – сокрушалась Света, обращаясь к своей чашке. – Такие деньги я бы как-нибудь отыскала. Слушай, а может, у твоей хозяйки найдется другая комнатка для меня?

Лида задумалась. Вчера она не успела осмотреть квартиру как следует, но у нее создалось смутное впечатление, что в коридор выходило еще несколько дверей.

– Может, и найдется, – неуверенно ответила девушка. – Кажется, квартира большая... Хотя, если это коммуналка, комнаты могут принадлежать соседям.

– Спроси ее, ладно? – умоляюще сказала Света. – Было бы здорово жить рядом, представляешь?

«Представляю, – подумала Лида. – Скоро настанет пора писать курсовые, сдавать диплом, а тебе нужен кто-нибудь, кто перепечатает, а то и поправит все это. И этот кто-нибудь – я. Всегда я».

Нельзя сказать, чтобы Светлана безжалостно эксплуатировала подругу. Напротив, эта рослая, смуглая и резкая в движениях особа оказывала маленькой Лиде некоторое покровительство. Например, несколько раз одалживала деньги, когда парочка оказывалась на мели. Приносила из дома редкие книги, которые невозможно было достать в институтской библиотеке. Иногда помогала ценным советом – как в последний раз, когда нашла для Лиды работу. Но эта помощь предлагалась не совсем бескорыстно. Взамен Лида оказывала ей сотни маленьких, как будто незначительных услуг, которые тем не менее ложились ей на плечи тяжким грузом. Переписывала экзаменационные билеты и конспекты. Меняла для Светы книги в библиотеке, жертвуя обеденным перерывом между лекциями. Перепечатывала ее курсовые, на экзаменах передавала под партой свои шпаргалки, чтобы Света имела возможность списать. Это было нечто вроде мягкого рабства, которое почти незаметно со стороны, никем не осуждается, да собственно, ничего дурного в себе и не заключает... Но разорвать такие цепи намного труднее, чем любые другие, – именно потому, что они незаметны.

– Как твой роман? – осведомилась Света, дымя пятой по счету сигаретой. Она курила почти не останавливаясь, даже выходила для этого посреди лекций. Может, поэтому ее кожа приобрела странный, желто-восковой оттенок, а под глазами лежали коричневатые тени. – Дело идет?

– Я еще не начинала, – призналась Лида, морщась от дыма. – Никак не могу решиться...

– Чего же ты тянешь? Сдавать к Новому году. Купила бы себе подарок, они ведь заплатят!

– Да я не тяну, просто думаю, с чего начать. Понимаешь, когда этот загадочный мистер Дэчери выясняет, что старуха-наркоманка почему-то ненавидит Джаспера, он решает, что это важная улика и...

Света остановила ее резким движением сигареты – на стол посыпался пепел:

– Не рассказывай мне эту чушь!

– Чушь? – изумилась Лида. – Но на этом кончается первая половина романа...

– Я этот роман терпеть не могу! – огрызнулась та.

– Ты... Почему?! – Девушка не находила слов от удивления. Они со Светой вместе учились на отделении художественного перевода, и она знала, что та с великим пиететом относится к классической английской литературе. И даже считает себя ее знатоком.

– Потому, что он не закончен, – бросила Света все с тем же презрительным видом. – Для меня любой незаконченный роман – это мусор.

– Только потому, что ты не знаешь конца?

– И поэтому тоже. И не только поэтому. – Она глубоко затаилась, и Лида снова прищурилась от дыма. – В любой незаконченной вещи есть что-то досадное, раздражающее. Как будто тебя завлекли, наобещали с три короба, а потом обманули. Да какого черта я должна читать то, что даже ничем не заканчивается? Когда я узнала, что какое-то издательство желает закончить «Эдвина Друда», я так смеялась!

Неожиданно она встала, оставив в пепельнице все еще дымящийся окурок. Накинула пальто – щегольский английский «дафл-кот» цвета морской волны с золотыми пуговицами. Небрежно поцеловала подругу в щеку. Губы у Светы всегда были сухие и колючие, помадой она не пользовалась.

– Увидимся в понедельник, – сказала она, укладывая в сумку сигареты и зажигалку. – Счастливая ты – сейчас начнешь обустраиваться на новом месте! Я серьезно говорю – разужнай насчет второй комнаты!

И она ушла. Лида проводила ее взглядом, потушила сигарету в пепельнице. Допила свой кофе. На душе у нее было как-то смутно. Она знала, что Света приезжает в институт на новеньком зеленом «Рено», который отец подарил ей три года назад к двадцатилетию. Но еще ни разу подруга не предложила ее подвезти, хотя иногда, во время своих скитаний по Москве, Лида жила совсем неподалеку от нее. Она чувствовала, что та относится к ней слегка свысока, мирилась с этим, но иногда спрашивала себя: нужно ли это терпеть, не стоит ли возмутиться? Была еще одна причина, из-за которой общество Светы иногда ее тяготило... Но Лида старалась об этом не вспоминать.

Но кое-что беспокоило девушку еще сильнее. Света была права – нужно торопиться, чтобы закончить рукопись к новогодним праздникам. Двухсотдолларовый аванс был уже истрачен, из него они с мужем и уплатили за новую комнату. Конечно, деньги не бог весть какие, и Лида могла бы их вернуть... Но для бюджета маленькой семьи это стало бы настоящим ударом. И потом – оставалась надежда, что в издательстве предложат ей новую работу, если она успешно завершит эту. «В мае я закончу институт, и тогда прощай московская регистрация, прощай стипендия, льготный проезд и тысячи других вещей! Что мы будем делать? Поедем к его родителям в Ростов? Или...»

Но о том, чтобы привезти мужа к себе домой, Лида даже думать боялась. Два года назад в одном из писем она робко сообщила матери о том, что вышла замуж. Написала, что они с мужем сняли комнату, дала номер телефона. Ответом был гневный звонок матери. Прежде всего она поинтересовалась, москвич ли муж. Узнав, что нет, спросила, чего ради Лида затеяла всю эту чепуху. Были ли они в ЗАГСе? Опять нет?

– Понятно, – подвела итоги мама. – Этого я и боялась, когда ты уезжала учиться. Лишь бы вырваться из дома, а там трава не расти! И парень твой тоже хорош! О чем он думает?! Нашел себе девчонку на время и успокоился!

– Только не говори бабушке! – попросила девушка, уже проглатывая слезы. – И папе тоже!

– И не собираюсь, – бросила та. – Ты меня очень разочаровала, Лидочка. Очень! Когда я прочла письмо, то сперва обиделась, почему меня не позвали на свадьбу. Сейчас понимаю почему. Не реви, что уж теперь реветь! Вернешься домой с младенцем – еще не так заплачешься!

Лида подавила всхлип, постаралась как можно ласковее попрощаться и повесила трубку. ...Нет, домой возвращаться она не хотела. Об этом и думать было страшно. Значит, придется ехать в Ростов. Входить в чужую семью, шумную, незнакомую, со своими обычаями и порядками. А она так любит тишину и покой! Будет ли у них, по крайней мере, свой уголок в доме, где обитает несколько поколений Свирских? Семья Алеши жила вовсе не в шикарном особняке – на фотографиях Лида видела низенький, длинный белый домик, затененный вишневыми деревьями. Алеша очень любил этот дом, родился в нем и вырос, часто вспоминал... Но для Лиды, коренной обитательницы тесных квартир, такая полусельская жизнь была бы тяжелым испытанием.

А если допустить, что ей повезет и она сможет зарабатывать деньги, тогда... Они постараются скопить определенную сумму, найдут в одном из маленьких подмосковных городишек крохотную квартирку и поселятся там. У них будет свой дом! Свой собственный!

Девушка допила кофе и застегнула куртку.

* * *

Муж еще не возвращался, как сообщила ей Вера Сергеевна.

– В третий раз поехал за вещами, – сказала она, когда Лида заглянула на кухню с чайником. – Ставь сюда, конфорка свободна. Ты что такая расстроенная?

«Разве она вчера обращалась ко мне на “ты”?» – растерялась Лида. Впрочем, ее почти все называли фамильярно – уж слишком по-детски она выглядела.

– Я не расстроенная, просто устала. – Мокрый чайник зашипел на сильном пламени горелки. Лида убавила газ. – После института я всегда стараюсь поспать пару часиков.

– Да уж, – согласилась хозяйка. – Я и сама страшно выматывалась, когда училась.

– А где вы...

– Бауманский.

«У нее такая неприятная привычка перебивать. – Лида отошла к раковине. – А какой на ней сегодня халат! Бывает же такое... Наверное, безумно дорогой!»

На халат в самом деле невозможно было не заглядеться. Он ловко сидел на статной, только чуть расплывшейся фигуре Веры Сергеевны, оставляя открытыми ее белую шею и пухлые, обнаженные до локтя руки. На скрипучем черном атласе извивались цветы, змеи, драконы, да чего там еще не было вышито! Какое-то безумие ярких красок и сложных узоров, но Лида не могла не признать – халат невероятно подчеркивал эффектную внешность своей хозяйки. Длинный черный пояс из крученого шелка дважды обвивал плотную талию. Пышные кисти на его концах свисали чуть не до колен.

– Только вот работать почти не пришлось, – продолжала тем временем Вера Сергеевна, помешивая в кастрюльке жидкий овощной суп. – Вышла замуж, пришлось сидеть дома.

– Наверное, дети помешали? – поинтересовалась Лида. Она задала этот вопрос из чистой вежливости – семья и карьера хозяйки ее не интересовали.

Но реакция ее потрясла: та резко развернулась к ней с поднятой в руке суповой ложкой, не обращая внимания на то, что капли бульона падают на роскошный атлас. Казалось, она собирается ударить ложкой свою квартирунку.

– При чем тут дети?

– Извините, я...

– Никаких детей у меня нет, – так же резко продолжала хозяйка. – Разве я о них упоминала?

Лида снова сделала попытку извиниться, и опять была грубо оборвана:

– Не понимаю, почему некоторым людям не дают покоя чужие дела!

– Но я вовсе не хотела вас обидеть, – умоляюще заговорила Лида. Она была в отчаянии от того, что коснулась больной для хозяйки темы. Не хватало снова оказаться на улице из-за одной-единственной оговорки! – Я случайно спросила! Извините!

Вера Сергеевна смотрела так пристально, будто старалась прочесть ее тайные мысли. Но убедившись, что девушка искренне расстроена, немного смягчилась и, отвернувшись к плите, снова погрузила ложку в суп. И почти спокойно проговорила:

– Никаких детей у меня нет, и мужа тоже больше нет. Я теперь совсем одна, если это тебя интересует.

На этот раз Лида не посмела даже рта раскрыть.

– Остались кое-какие знакомые, и все, – продолжала та. – Работать не могу – возраст уже не тот, да и вообще, я давно забыла все, чему училась. Тут ты права, детка, муж хотел, чтобы я сидела дома. Но не из-за детей. Он просто был такой... – И с непередаваемой иронией закончила: – Хозяйственный! Посмотрел бы он сейчас на эту квартиру! Раньше здесь нигде ни пылинки не было, паркет сверкал – я сама его натирала, каждую пятницу. Да-да, милая, натирала все восемьдесят с лишним квадратных метров!

Лида подумала, что эту полезную, хотя и утомительную привычку хозяйка давно оставила. Возможно, сразу после того, как потеряла супруга. Дубовый паркет выглядел серым и тусклым из-за скопившейся годами неоттертой грязи.

– К нам приходили гости и восхищались порядком. – Ложка остановилась в супе, женщина неподвижным взглядом уставилась в стену, словно хотела усилием воли завернуть газовый вентиль на засаленной трубе. – Три большие комнаты, коридор, кухня, ванная – все сияло, хоть сейчас фотографируй... Все начищено, отполировано, мебель стоит по струночке... – Она тряхнула черными растрепанными волосами, будто отгоняя какое-то видение: – А я все это ненавидела! Ты, может, удивляешься, что квартира так запущена?

Лида запротестовала. Она сказала, что такой чудесной комнаты, как сейчас, они с мужем никогда еще не снимали, да и квартира в целом запущенной не выглядит. И кухня и ванная – все в полном порядке!

– Ну разве что паркет, – осторожно добавила она. – Но это мелочи.

– Значит, мне только кажется, что везде грязь, – пробормотала та, глядя на девушку. – По сравнению с тем, что было раньше...

Сняв кастрюльку с плиты, она поставила ее в сторонку, остывать. И, не говоря больше ни слова, удалилась к себе в комнату.

Лида сняла с газа вскипевший чайник и тоже ушла к себе. «Она немножко странная, но совсем не злая, – с облегчением думала девушка, усаживаясь пить чай. – Отходчивая, слава богу! А то я уж перепугалась... Где бы мы теперь были? Ее даже можно пожалеть – муж умер, детей не было, живет совсем одна. А кажется, Вера Сергеевна все-таки пьет. Лицо опять все опухшее, и руки подрагивали, я видела. Такая слабая, безвольная дрожь, как у закоренелых алкоголиков».

Эта дрожь была ей знакома с детства – приходилось наблюдать ее у отца. Впрочем, не часто – тот запивал не больше двух раз в год. Во хмелю был тихим, приветливым, пожалуй, милым. Никогда не ругался и не пытался кого-то избить. Много не пропивал – мать Лиды говаривала, что муж никогда не сопьется окончательно, жадность ему помешает. Когда у отца случались запои, он внезапно начинал обожать дочь – занимался с нею, рассказывал какие-то истории, охотно рассматривал ее рисунки и слушал первые, беспомощные стишки. Когда запой кончался, отец снова становился замкнутым, молчаливым и, как казалось девочке, чужим человеком. Иногда, в самом раннем и наивном возрасте, Лида желала про себя, чтобы папа пил всегда.

Алеша вернулся, когда чайник был еще горячий. За день он так вымотался, что теперь с трудом шевелил губами. На работе он взял отгул.

– Все забрал, до ниточки, – отчитался он перед женой. – Но твою желтую кастрюлю Марья Ивановна не отдала. Сказала – это ее.

– Она врет! – возмутилась Лида. – Совсем новая кастрюля пропала!

– Ладно, я не захотел связываться. купишь другую. – Алеша медленно, устало расстегивал куртку. – В метро такие толпы, с сумками не протолкнешься. И я все время ждал, что меня заметет патруль. Слава богу, никто не обратил внимания.

– В самом деле, – расстроилась Лида. – Тебе не нужно было таскаться с сумками без регистрации... Это обращает внимание...

– Дело сделано, значит, все в порядке. – Он уселся к столу. – Ну, вот мы и дома!

Жена взглянула на него ласково и снисходительно. Она трудно привыкала к перемене мест, на каждой новой квартире поначалу чувствовала себя неуютно. Но сейчас не могла не согласиться – это место и впрямь походило на настоящий семейный дом.

Она на скорую руку приготовила бутерброды и пообещала, что завтра сделает настоящий обед – первый обед на новом месте.

– Пожалуй, решусь на голубцы, если ты не против.

– Еще бы я был против. – Алеша, смеясь, уничтожал бутерброды. – Это единственное, что у тебя прилично получается.

Девушка засмеялась:

– Тебя дома избаловали, а я отдуваюсь! Только не начинай рассказывать, как потрясюще готовит твоя мама!

– И не собирался. – Он схватил последний бутерброд. – Ты сделаешь голубцы, я куплю шампанского, и мы угостим нашу хозяйку.

Лида запротестовала. Она не считала, что шампанское подходит к такому прозаическому блюду, да и мысль о совместном застолье перестала ей нравиться.

– Тебе всегда нужна компания, – сказала она. – А ей, может, хочется побыть одной!

– Она и так живет одна. Ей же скучно!

– Не думаю. Иначе давно бы нашла какой-то выход. Могла бы и замуж выйти во второй раз.

Она коротко поделилась с мужем тем, что узнала сегодня на кухне. Тот подумал и согласился:

– Конечно, если она так странно себя ведет, звать ее не стоит.

И, сменив тему, спросил об институте. Какое-то время они говорили о том, что ждало Лиду в самом ближайшем будущем – зимняя сессия, сдача диплома, государственные экзамены. Алеша смотрел на вещи просто – если существуют экзамены, надо же их как-то сдавать. Он заверял, что ничего страшного и сложного тут нет. Лида же, напротив, боялась экзаменов до обморока, как некоторые люди боятся пауков, темноты и зубных врачей. Училась она отлично, тщательно готовила все билеты... Но входя в аудиторию, где на столе лежали нарезанные полоски бумаги и сидел преподаватель, она едва держалась на ногах от какого-то ледяного, тошнотворного ужаса.

– Ты вообще трусиха, – небрежно говорил Алеша. – Если бы Светка не вела тебя каждый раз за ручку, ты бы и до дверей аудитории не дошла! Кстати, как она поживает?

Лида отмахнулась:

– Замечательно! Только, как всегда, чем-то недовольна. На этот раз – опять родителями. Спрашивает, нет ли у нашей хозяйки свободной комнатки для нее. Представь, какая это будет прелесть – жить с нею рядом...

– А что? Тогда бы она возила тебя в институт на своей машине.

– Ты наивен! За эту услугу мне пришлось бы оказать тысячу других. Ну нет, спасибо! Даже если бы Вера Сергеевна сдавала еще одну комнату, я бы нипочем не сказала этого Светке!

– Кстати, почему она ее не сдает? – задумчиво проговорил Алеша. – Это не коммуналка, я сегодня выяснил. Имеет полное право...

Сегодня у него была возможность ознакомиться с планировкой квартиры. Вскоре после того, как Лида ушла в институт, хозяйка тоже куда-то исчезла. Молодой человек обследовал коридор, пару раз больно ударившись о трехколесный детский велосипед, предательски выставлявший педаль из-за вешалки. В коридор выходило семь дверей. По левую руку располагались нежилые помещения – кладовка (до отказа набитая каким-то неприглядным барахлом), ванная и кухня.

– Архитектор небось считал туалет венцом творения, поэтому поместил его в конце коридора. Чтоб в глаза бросался!

По правую руку от входной двери располагались комнаты. Первая дверь (запертая) вела в комнату хозяйки. Дальше следовала комната, которую теперь заняли жильцы. А следом, в самом конце коридора, была еще одна дверь. Она тоже была заперта, и, судя по слою пыли на замке, в нее давно не заглядывали.

– Я уверен, что это жилая комната, – сказал Алеша. – И судя по тому, на каком расстоянии находятся наши двери, она тоже большая.

Лиду это сообщение не заинтересовало. Она была очень даже рада тому, что Вера Сергеевна не пускает других жильцов. «На ее месте я бы тоже не стала устраивать из квартиры коммуналку, – подумала девушка. – Может, ей не нужно больше ста долларов в месяц. Хотя вряд ли... Интересно, на что еще она существует, если не работает?»

В тот вечер они больше не вспоминали о хозяйке. Та, уйдя в свою комнату, больше не показывалась. За стеной было так тихо, что казалось, в квартире осталась только молодая пара.

Алеша, немного отдохнув, начал разбирать вещи. Лида хотела было ему помочь, но муж прогнал ее к столику у окна:

– Садись и пиши! Ноябрь на носу, а ты до сих пор даже не начинала! Опять испугалась?

– А ты как думаешь? – страдальчески спросила она, снимая чехол с машинки. – Это будет похуже экзамена.

– Докажи, что ты творческая личность! – подбадривал ее супруг. – В конце концов это просто окончание романа.

«Да, проще некуда. – Девушка распечатала пачку бумаги, заправила два листа, проложенные копиркой, и передвинула каретку. – Самое главное – забыть, что дописываешь за Диккенса. Тогда бы я справилась. Но беда в том, что этого-то и нельзя забывать...»

Когда она беседовала с редактором издательства, тот посоветовал ей максимально приблизиться к стилю оригинала. Это-де необходимо, потому что создаст дополнительный эффект. Лида и сама понимала, что «Эдвина Друда» невозможно написать современным языком, пусть даже самым литературным. Но симитировать язык Диккенса?

– Я не могу петь, как Мария Каллас, танцевать, как Плисецкая, и рисовать, как Сальвадор Дали, – хмуро сказала она Алеше, вернувшись домой. – И писать, как Диккенс, тоже не смогу.

«Я могу имитировать язык и стиль Диккенса сколько угодно, но это будет нелепо. – Она смотрела на чистый лист с какой-то неприязнью, как будто это он был во всем виноват. – В самом лучшем случае, нелепо. И современному автору никогда не поймать естественного тона девятнадцатого века. Это всегда будет грубой подделкой, самого дурного пошиба. Первый же мало-мальски начитанный человек сразу увидит кучу ошибок. Графиня будет выражаться или слишком витиевато, или чересчур вульгарно. Аристократы начнут беседовать на языке водевильных «благородных» персонажей, на котором нормальные люди никогда не изъяснялись. Горничная будет одета, как хозяйская дочь, хозяйская дочь – как мещанка, к подъезду неизбежно подкатит экипаж такого фасона, который войдет в моду только через пять лет, и все это будет ложью, грубой и наивной, как раскраска вокзальной проститутки...»

– Опять задумалась? – донесся из шкафа голос Алеши. – Ну давай же, вперед! Ты ведь призналась, что все обдумала!

– О господи! – Лида зажала уши и гневно обернулась: – Не понукай меня, я не лошадь! И так плакать хочется!

В шкафу с грохотом обрушилась пустая вешалка. В тот же миг показалось покрасневшее лицо Алеши. Он выпрямился, отряхнул колени и подошел к жене. Та уставилась на пустой лист.

– Плакать? – раздельно произнес он. – Тебе так не хочется этим заниматься?

– Мне хочется... – тихо ответила она. – Но я боюсь. Я не могу написать первую строчку. Это для меня...

– Поставь-ка чайник, – неожиданно попросил муж. – И завари свежий чай, а то уже никакого вкуса не осталось.

Лида с готовностью ухватилась за эту отсрочку. Она и впрямь чувствовала себя как преступник, которому уже объявили смертный приговор, отклонили все апелляции, но так и не сказали, в чем будет заключаться казнь. «Зато я знаю, когда она состоится, – думала девушка, отворачивая кран и набирая воду в чайник. – Тридцать первого декабря».

Она зажгла газ, вылила старую заварку и, прохаживаясь по кухне, ожидала, когда закипит вода. Время от времени она останавливалась и глядела в окно. Оно выходило во двор, и смотреть там было особо не на что – разве на снег, медленно танцующий под колпаком зажженного фонаря. Но девушку завораживало это белое скольжение хлопьев и необыкновенная, глубокая тишина, которая установилась в квартире. «Наверное, тут очень толстые стены, – подумала она. – Дому лет пятьдесят, так что неудивительно...»

Не успела она удивиться тишине, как из коридора донесся какой-то легкий дробный звук – приглушенный и удивительно знакомый. Лида обернулась – в дверях никого. Она выглянула из кухни, но темный коридор оказался пуст. Прямо перед ней была запертая дверь третьей комнаты. Девушка машинально провела пальцем по филенке: «Да, пыли предостаточно. Вера Сергеевна и впрямь не утруждает себя уборкой. Что это был за звук? Вроде стрекота или...»

Все выяснилось, когда она внесла в комнату чайник с кипятком. Алеша с довольным видом поднимался из-за ее рабочего стола.

– Первый абзац я тебе написал, – сообщил он, отнимая у жены чайник и ласково подталкивая ее к окну. – Теперь, если дело не заладится, грех на мне.

– Ты написал? – воскликнула она. – Ты же не читал «Эдвина Друда»!

– Большое дело!

Девушка наклонилась над машинкой и прочла: «Жив или умер? Кто из друзей Эдвина еще продолжает задаваться этим вопросом? Найдется ли сердце, сохранившее его образ неприкосновенным? Иные сердца похожи на постоянные дворы – они всегда к услугам тех, кому вздумается в них поселиться, в них тепло и уютно, в очаге пылает жаркий огонь, и милая хозяйка уже торопится вам навстречу, перебирая ключи в корзиночке у пояса; но разве станет эта честная женщина плакать, проводив гостя за порог? Его забудут тотчас, как явится другой. Есть сердца, подобные зеркалам, – в них приятно подолгу глядеться (ибо кто из нас, признаться начистоту, не любит общества себя самого, будь мы даже не молоды, не богаты и не красивы?), но стоит отойти – и зеркало сразу о нас забывает. Нашлось ли в целом свете преданное сердце, в котором Эдвин остался жив?»

– Господи Боже! – вырвалось у изумленной читательницы.

– Плохо? – Алеша перечитывал текст через ее плечо. – Я что-то напорол?

– Господи... – повторила Лида, поворачиваясь к мужу и заглядывая ему в глаза. – Ты написал то... что нужно! И так, как нужно! Я бы сказала, что отрывок скорее похож на Теккерея – его язвительность, понимаешь? Диккенс вовсе не язвителен, желчи в нем нет. Но в общем, замечательно!

Автор был польщен. Он смотрел на лист бумаги со смешанным выражением удовольствия и деланной скромности – будто кот, которого ласково чешут за ухом, а тот притворяется, что ничего об этом не знает.

– Я старался не касаться сюжета, потому что знаю его только с твоих слов, – пояснил он, почти застенчиво отводя взгляд. – Написал только то, что думал... Не о твоём Эдвине Друде, а вообще... О людях. А стилизации у меня всегда получались.

– Да, стиль и впрямь верный, – тихо ответила Лида. – Но меня не это удивляет. Знаешь, я никогда не думала, что у тебя бывают такие мысли.

Он вскинул брови:

– То есть? Считала меня одноклеточным существом?

– Нет, конечно нет... – Она ласково положила руки ему на плечи. – Но ты всегда казался мне таким беспечным, счастливым... Счастливым непонятно отчего, даже в беде. И люди у тебя все, как слушаешь, тоже хорошие, а если плохие, то не по их вине. И вдруг – постоянный двор, зеркала! Такой горький образ, совсем не твой!

Алеша кривовато улыбнулся:

– Знаешь, в последнее время мне очень нелегко оставаться беспечным. Может, я больше узнал о людях.

– Но ты ведь не считаешь, что я тоже хозяйка гостиницы, которая...

Он ее поцеловал, и, закрывая глаза, Лида успела подумать, что у мужа тоже появилась скверная привычка – обрывать ее на полуслове.

* * *

Она проснулась посреди ночи и некоторое время упорно не открывала глаз, стараясь снова попасть в сон. Но ничего не получалось – дверь, ведущая туда, наглухо закрылась. Рядом тихо дышал Алеша. Девушка приподнялась на локте, осторожно села, по привычке стараясь не напороться на предательскую пружину. Улыбнулась в темноту – новая кровать никаких сюрпризов не преподносила. Встала, натянула халат, на ощупь отыскала тапочки. В батарее тихо шумела вода. «Наверное, это меня и разбудило, – подумала Лида. – Дали тепло. Теперь я не замерзну, сидя у окна».

Она подошла к столику, включила настольную лампу. Алеша спал как убитый – ему никогда не мешал ни свет, ни звуки. Девушка присела к столу и перечитала написанное мужем.

«Нашлось ли в целом свете преданное сердце, в котором Эдвин остался жив?» Она задумалась. В самом деле, любил ли кто-нибудь этого злосчастного юношу? Дядя? Его любовь была только ширмой, за которой он прятал бешеную ненависть. Невеста? Но та была ему только подругой, она не отдала ему ни руки, ни сердца. А любил ли кого-нибудь он сам?

Рядом с машинкой лежал потрепанный зеленый том из подписки Диккенса. Лида взяла его в библиотеке, но ей не нужно было перечитывать роман, чтобы вспомнить повороты сюжета. Она знала их давно, читала эту книгу несколько раз и могла бы рассказать сюжет, даже если бы ее разбудили среди ночи и устроили устный экзамен.

Обитатели маленького городка Клойстергэма – Эдвин Друд и Роза Буттон – были обручены в раннем детстве покойными родителями. Однако любви друг к другу они не испытывают – разве что дружескую привязанность. Эдвин, порывистый, довольно избалованный, но все-таки добрый юноша, очень любит и уважает своего дядю – Джона Джаспера, единственного родственника и покровителя. Тот же тайно его ненавидит, потому что давно питает страсть к Розе. Джаспер – канонический певчий собора и вместе с тем тайный курильщик опиума, посещает в Лондоне притон некоей старухи, торговли этим зельем, у которой, в свою очередь, есть свои тайные причины его ненавидеть. Он хочет заполучить Розу, но для этого ему нужно убить племянника. Все подготовлено – опиум (чтобы одурманить Эдвина и заманить на кладбище),

черный шелковый шарф (чтобы задушить его), место упокоения (склеп, ключ от которого он заполучил обманным образом у пьяного каменщика Дёрдлса и, вероятно, успел сделать слепок, пока тот спал).

Тем временем в городке появляется интересная юная пара – близнецы Ландлессы (Елена и Невилл). Они приехали с Цейлона, где провели тяжелые годы под гнетом жестокого отчима. Пылкий, несдержанный Невилл немедленно влюбляется в невесту Эдвина и, видя, что тот с ней пренебрежительно равнодушен, оскорбляется за Розу и затевает ссору. Джасперу это только на руку – теперь у него есть, на кого свалить убийство племянника. Об этой ссоре с его подачи узнают многие, а он разжигает вражду молодых людей, внешне стараясь их помирить. Розу и Эдвина беспокоит их ложное положение жениха и невесты – ведь они друг друга не любят. Молодые люди объясняются друг другу в нелюбви и, посоветовавшись с опекуном девушки – умным и добросердечным мистером Грюджиусом, решают никогда не вступать в брак. Эдвин боится огорчить дядю этим известием, не ведая, что молчанием подписывает себе приговор. У него в кармане остается кольцо, которое Грюджиус передал ему для обручения с Розой, – поскольку свадьбе не бывать, Эдвин не надел его девушке на палец.

В канун Рождества Эдвин встречает на кладбище хозяйку лондонского притона. Он дает ей денег на покупку опиума, поскольку без него та плохо себя чувствует. Старуха сообщает ему, что приехала сюда кого-то искать, и роняет обмолвку, что горе тому, кого зовут Нэд, – этому человеку грозит страшная опасность. Эдвин неприятно потрясен, поскольку этим ласкательным именем зовет его один дядя, но, конечно, далек от мысли подозревать в чем-то человека, который безмерно его любит. Невилл Ландлесс готовится на следующий день выйти в пеший поход по Англии, чтобы ознакомиться с незнакомой страной. В сочельник молодые люди, по уговору, встречаются у Джаспера и заключают мир. Уходя от него, они решают взглянуть на реку – разыгралась буря, им интересно посмотреть, как бушует стихия. Той же ночью Эдвин Друд бесследно исчезает.

Невилла обвиняют в убийстве, но отпускают за недостатком улик. Тот уезжает в Лондон и находит покровительство мистера Грюджиуса. Сестра Невилла Елена остается в городке и мужественно сносит общественное порицание. В реке находят принадлежавшие Эдвину драгоценности – часы и булавку. Джаспер клянется найти и уничтожить убийцу. Грюджиус сообщает ему, что помолвка Эдвина и Розы была разорвана, и тот падает в обморок, узнав, что убийство было бессмысленно.

Через полгода после описанных событий в городке появляется таинственный незнакомец – Дик Дэчери. Он очень интересуется делом Эдвина и старается больше о нем разузнать. Каждую важную деталь, которую ему удастся обнаружить, он отмечает меловой чертой на дверце шкафчика в своей комнате. Джаспер открывается Розе в любви, та в ужасе бежит в Лондон, к опекуну. Он давно следит за Джаспером и установил, что тот навещает в Лондон – вероятно, с целью слежки за Невиллом. Джаспер снова посещает притон старухи, на сей раз в бреду он проговаривается, что уже совершил то, что всегда видел в своих видениях. Старуха, по каким-то своим причинам, очень внимательно выслушивает это, и даже едет за Джаспером в Клойстергэм. Там ее встречает Дэчери и узнает от нее, что она встретила Эдвина в сочельник на кладбище. Дэчери так же видит, как та издали грозит кулаком Джасперу, поющему в соборе на богослужении. Это настолько впечатляет Дэчери, что, вернувшись домой, он проводит мелом на дверце самую длинную и толстую меловую черту.

На этом роман, доведенный ровно до середины, обрывается.

«И единственное, в чем никаких сомнений быть не может, так это в том, что убийца – Джаспер. – Лида сидела, глядя на полупустую страницу. – Дальше – белое пятно. Каждый, кто пытался дописать роман, дописывал его по-своему. Вот вам и задача – причем все персонажи уже введены, нужно обходиться тем, что есть. А если не все? Если должен был появиться кто-то еще, без кого разгадка немыслима? Тогда “Тайна Эдвина Друда” никогда не будет раскрыта.

Потому что можно составить бесконечное число вариантов на основе того, что уже известно, но нельзя выдумать за Диккенса новый персонаж. За такое голову надо отрубать».

«Да? – возразила она себе через минуту, слушая вой ветра за дрожащим стеклом и шум воды в батарее. – А чем собираешься заняться ты сама? Ищешь себе оправдания – да я только попробую, я ничего не испорчу, я люблю Диккенса, мне самой интересно, что и как случилось с Эдвином Друдом... Потому что, вне всяких сомнений, все прошло не так гладко, как задумал Джаспер, – иначе его бы никогда не изобличили. А его должны изобличить – Диккенс никогда не оставляет зло безнаказанным. Не в его это духе!»

Ее мысли незаметно тронулись в ином направлении. Девушка сидела, хмуро сдвинув брови, пожевывая нижнюю губу, и сердито смотрела на машинку с запрограммированным листом. «Джаспер поклялся найти и уничтожить того, кто убил племянника. Ну, Иуда... То есть себя самого? Его обязательно изобличат, и что тогда? Суд? Петля? Нет, он не таков, он не дастся. Это сильный, смелый характер. Я уверена, что развязка будет происходить в том склепе, где он спрятал племянника, – на месте преступления. Его изобличат, и он бросится бежать, podnikнется на башню собора, куда уже ходил с Дёрдлсом... И бросится оттуда вниз, на камни. Как Клод Фролло в “Соборе Парижской Богоматери”. Только того столкнули...»

– Господи, который час?!

Она так и подскочила, услышав голос мужа. Тот сидел в постели и испуганно смотрел на нее.

– Рано еще, спи, – шепотом ответила она.

– Ты работаешь?

– Думаю.

Алеша блаженно откинулся на подушку, полежал, глядя в потолок, а потом торжественно высказал пожелание своей супруге – не сойти с ума на почве «Эвина Друда».

– И вообще, я уже начинаю тебя ревновать к этому парню, – заметил он. – Ты все время думаешь о нем.

Лида тихонько засмеялась:

– И совершенно напрасно ревнуешь! Знаешь, почему? Вы с ним немного похожи. То есть так я думала, пока ты не написал про зеркала и постоянные дворы. Эдвин бы до такого не додумался. Разве что после воскрешения?

Алеша что-то недовольно заворчал, пряча голову под одеялом.

– Что? – переспросила жена.

– Я говорю, – на свет показались растрепанные волосы и сонные глаза, – говорю, что Эдвин твой мне совсем не нравится. Если на то пошло, я больше симпатизирую его дяде.

– Джасперу? – изумилась она. – Ему-то за что?

И тут муж удивил ее второй раз за эту ночь. Алеша очень серьезно заявил, что тому по крайней мере было известно, что такое настоящая любовь.

– Роза дурочка, что не оценила его! Такие смазливые девчонки всегда влюбляются не в того, в кого нужно, – закончил он свою мысль и снова исчез.

Лида с минуту ждала продолжения, а потом погасила лампу и еще немного посидела в темноте, прежде чем вернуться в постель.

Не бывает ни надежно запертых дверей, ни вечных тайн. Их раскрытие – всегда только вопрос времени.

Глава 3

– Ты узнала насчет комнаты? – громким шепотом осведомилась Света.

Девушки сидели в конце аудитории, у окна. Это были их постоянные места, и хотя любой студент мог, теоретически, сесть где ему угодно, занимать чужое место было как-то не принято. На этой позиции подруги продержались четыре года и никому не собирались ее сдавать накануне выпуска. Место было очень удобным – можно открыто выспаться посреди лекции, спрятавшись за спинами сидящих впереди. Можно шептаться, читать посторонние книги, даже пить из-под парты пиво – что Света и проделывала неоднократно. Лида не любила этот напиток, но зато часто не высыпалась дома и потому тоже ценила заднюю парту.

– Комната есть, но она не сдается, – таким же шепотом ответила она.

– Ты точно узнала?

– Говорю тебе, хозяйка сдает только одну комнату.

– Жаль, – протянула Света, складывая на столе руки и устало опуская на них черную голову. – Я так на это рассчитывала!

– Не понимаю, чего ты хочешь? – Лида заговорила тише, чтобы не привлекать внимания преподавателя, который уже начинал нервно посматривать в их сторону.

Шла лекция по эстетике, и высокий, корректный мужчина с приятным, но странно застывшим лицом изъяснялся так витиевато и научно, что девушка не понимала ни слова. Она уже сдавала ему экзамены и хорошо знала, что его мягкая, доброжелательная манера вести лекцию не имеет ничего общего с той беспощадностью, с которой он принимал экзамены. Он помнил все – прогулы, разговоры на лекциях, глупые вопросы, бессмысленные взгляды... Поэтому сердить его Лиде вовсе не улыбалось.

– У тебя же есть своя комната, – еле слышно шептала Лида, не отводя взгляда от кафедры, усиленно изображая внимание и понимание. – Зачем что-то снимать?

– Ты и не поймешь, – отрывисто бросила Света и, опершись на сложенные под подбородком ладони, принялась поедать взглядом доцента.

Тот говорил так плавно и гладко, что поневоле наводил сонную одурь. «Будто по покойнику читает», – выразился один из студентов. Кто-то из студентов купил написанный им учебник по эстетике и, принеся в институт, убедительно доказал, что преподаватель слово в слово цитирует самого себя, не отклоняясь ни на одну запятую. Лекция равнялась главе с такой изумительной точностью, что высказали версию: этот человек – биоробот с магнитофонной записью внутри. После чего все разорились на покупку учебников и перестали писать конспекты. Теперь на лекциях по эстетике можно было видеть, как студенты отслеживают речь по печатному тексту и иногда восхищенно фыркают, пожимая плечами. Сам преподаватель, замечая это, начинал нервничать и зачастую сбивался. Это всех несказанно веселило.

– Интересно, как он говорит с женой? – неожиданно громко спросила Света, не отводя взгляда от кафедры. – Тоже по конспекту?

Преподаватель услышал и на миг запнулся, поднял глаза. Света улыбалась ему своей странной, нервной и будто выжидающей улыбкой. Потом скучающе отвела взгляд и опустила голову на парту, собираясь вздремнуть.

Через несколько минут Лиду тоже стало клонить ко сну, но она изо всех сил пыталась удержать глаза открытыми. Аудитория расплывалась, знакомые затылки превращались в смутные пятна, голос лектора то приближался, сверлом вонзаясь в уши, то замирал вдалеке. «Чего это я не пойму? – Она пыталась отвлечься, вырваться из туманной дымки. – Как я могу ее не понять, если и сама всеми силами пыталась вырваться из дома? Но москвичам, конечно, сложнее это сделать. Куда рвется провинциал? В Москву. Куда рвется москвич? Разве что в Америку. А уж бедному американцу и вовсе бежать некуда».

Она тряхнула головой, и картина на миг обрела резкость. Доцент в это время старательно отображал на доске схему эстетических представлений человека, больше похожую на прилавок с гигантскими огурцами. Лида вытаращила глаза и тут же отказалась от попыток что-то понять.

«Светка считает, что несчастна. Знала бы она, что такое настоящие неприятности, а то... Ну что за беда – отец поворчал? Зато потом купил машину, или дал денег на шикарную шубу, или купил путевку в Европу. Она одета лучше всех на курсе, каждый день приходит в чем-то новом. И куда потом деваает вещи? Правда, на ней все неважно смотрится, фигура подвела...»

Светлана в свои двадцать три года и впрямь не могла называться красавицей. Ее не считали даже симпатичной – широкие, мужские плечи, похожее на вареную картофелину смугло-серое лицо, хрящеватый нос весьма странной формы. От переносицы до середины его можно было назвать красивым, даже классическим. Тут бы ему и остановиться, но нос, как будто поразмыслив, решил расти дальше и превратился в мясистый, бесформенный трамплин. Узкие сухие губы были сложены кривовато, отчего казалось, будто Света вечно над чем-то издевается. Хороши были только большие серые глаза и пышные черные волосы, тяжелые и шелковистые.

«И с такой внешностью у нее нет никаких комплексов, ни единого! – думала Лида, опускающая глаза и разглядывая изрезанный стол. – Это все деньги, дорогие тряпки, состоятельная семья. Зачем ей красота, если есть все остальное? Рассказывает, что у нее бывают стычки с матерью, но я же сама видела – та ее побаивается!»

Часто бывая дома у Соколовой, Лида давно перезнакомилась со всеми членами семьи. Отца Светы она видела лишь однажды – тот большую часть времени проводил в разъездах, хлопоча о закупках для своих магазинов одежды. У него было настолько непримечательное лицо, тоже слегка похожее на картофелину, что Лида его тут же забыла. Зато мать оказалась ей настоящей красавицей. Это была медлительная пышногрудая женщина, очень молодая, невозмутимо спокойная. Но ни ее белая тонкая кожа, ни изящные руки, ни медно-рыжие волосы – ничто не отразилось в детях. Света смотрела на нее с каким-то неуловимым презрением и как-то раз при госте накричала на мать, возмущаясь тем, что та не вычистила ей черные сапоги. Изволь теперь ходить в коричневых!

– Весь день сидит дома и ни черта не делает, – возмущалась Света, утащив Лиду в комнату и заперев дверь на задвижку. – Ее даже и просить не стоит – все мимо ушей пропускает. Только бы смотреть телевизор и трепаться по телефону. Хоть бы она любовника завела, что ли!

Лида была в ужасе:

– С ума сошла? Ты этого хочешь?

– Дождешься от нее, от вареной рыбы! Она совершенно бездушная, ей ничего не нужно! – продолжала возмущаться подруга. – Ты не представляешь, какая она подлая, как тянет папины деньги! И куда их деваает, хотелось бы знать? Ведь никуда не ходит!

– Но как ты можешь с ней говорить...

– Она это заслужила!

В дверь постучали, и все тот же тягучий, в самом деле вызывающий раздражение своей бесчувственностью, голос сообщил, что черные сапоги вычищены. Света усмехнулась, глядя на испуганную подругу:

– Вот так с ней надо! Сейчас еще раз наору – и будет обед.

– Лучше не нужно, я не голодна!

Лида быстро собралась и ушла. Сцена произвела на нее очень тягостное впечатление. Она не могла понять, как Света решается на такое обращение с матерью? Будь та закоренелой преступницей, последней дрянью, жестокой стервой – такое обращение все равно немислимо! «Она кричит на нее, как на горничную, а та смотрит на нее, как на пустое место, будто ее не оскорбили, будто вообще ничего не произошло! Как они друг друга ненавидят!»

И в самом деле Света как-то призналась, что отношения с матерью у нее «взаимно ужасные».

– Я видела, тебе в последний раз было неприятно, – сказала она. – У тебя все было на лице написано – дескать, как можно, какой ужас, падение нравов... Но знаешь, что я тебе скажу? Она первая стала меня изводить. Я бы никогда с ней так не обращалась, если бы она не начала сама. – Девушка говорила сбивчиво, явно волнуясь: – Я у нее всегда была козлом отпущения, с самого детства. То не так, это плохо, я сама плохая, чего она мне только не говорила! И всегда жаловалась отцу, если не могла со мной справиться, а тот меня порол. Весело? Она не любит меня и никогда не любила.

– Но почему? – только и сумела вымолвить Лида. И тут же устыдилась глупости своего вопроса. В самом деле, почему одних детей родители боготворят, а других (хотя упоминать об этом не принято) – ненавидят? Почему их стараются не замечать, не хвалить, поскорее сбить с рук, убрать с глаз долой?

«Когда речь идет о любви, слово “почему” вообще употреблять не стоит», – думала она сейчас, рассматривая странную схему на доске. Лектор и сам смотрел на свое творение с каким-то недоверчивым удивлением. Казалось, он на миг выпал из реальности, усыпленный звуком собственного голоса. В аудитории было так тихо, что она казалась пустой. Однако пауза была недолгой – поймав нить своих бесконечных рассуждений, лектор снова заговорил. Поднявшиеся было головы снова стали сонно опускаться.

«Конечно, ее семью счастливой не назовешь», – продолжала размышлять Лида, искоса наблюдая за подругой. Та, казалось, спала, спрятав лицо в сгибе локтя. Пестрая кофточка туго натянулась на широкой спине, маленькие золотые часики на запястье тикали громко и отчетливо. До конца лекции оставалось полчаса. «Но раз так, почему она давно оттуда не ушла? Ведь мы с Алешей как-то устроились, хотя нам никто не помогал. А у нее всегда есть деньги. В конце концов могла бы продать машину – на это можно несколько лет снимать комнату, такую, как наша. Но нет, никогда она не уйдет из дома – все это только пустые разговоры. Она слишком привыкла к комфорту, к покою, к возможности уединиться. А потом, хотя она сердится, что мать не занимается хозяйством, но сама-то и вовсе ничего не делает! Та ей даже обувь чистит! Стирает ее вещи, гладит, убирает ее комнату. Я уверена, что Светка ни разу в жизни не мыла посуду. Она не сможет жить отдельно, это ей не понравится. Ну разве что наймет служанку...»

Ей в голову пришла одна догадка – не слишком приятная, но, скорее всего, верная. Лида грустно покосилась на подругу и отвернулась к окну. Она сильно подозревала, что та захотела снять комнату с ними рядом, чтобы Лида ей прислуживала. «Не знаю как, но она бы в конце концов это устроила. Незаметно, день за днем. Я бы делала для нее все, что делает сейчас ее мать. Нет, Светочка, на это я не согласна! Даже если бы ты мне платила, я бы не стала чистить твои сапоги!»

Сегодня ей казалось, что лекции тянутся бесконечно. Их было пять, а потом еще спецкурс по истории искусства.

– Сбежим? – предложила Света после пятой пары. – Иван Иванович и так поставит зачет. Душевный человек, все бы такие были!

Как раз в это время Иван Иванович, высокий, вальяжный брюнет с локонами до плеч, смутно похожий на Теофиля Готье, плавно прошествовал мимо девушек, приветствуя их куртуазным полупоклоном. Лида вздохнула:

– Все, он нас видел.

– Ну и пусть, – настаивала Света. – Ты же знаешь, он не вредный. Поехали ко мне, я хочу сделать вам подарок к новоселью.

– Потом сделаешь, пошли! Нам же ему экзамены сдавать!

Она подошла к дверям аудитории и прислушалась. Лекция уже началась – как всегда, весьма своеобразно. Бархатный голос неторопливо вещал:

– Друзья мои... Вчера вечером я сидел в своей гостиной, в кресле рококо, обитом атласом узора «шинуазери»... Что значит, мои дорогие друзья, «в китайском стиле», который был

очень популярен в эпоху рококо. И только я собрался выпить чаю и только взял чашечку саксонского фарфора, расписанную бабочками... Как вдруг меня потряс ужасный грохот за окном. Я выглянул и увидел внизу четверых санюлотов в оранжевых жилетах. Они ломали отбойными молотками асфальт под моими окнами... Друзья мои, я вас уверяю – они сами попадут в яму, которую вырыли!

Лида с трудом сдерживала смех и выжидала момент, чтобы войти, не перебив оратора. Сзади стояла недовольная подруга.

– Ну что там делать? Иван Иваныч опять покажет какие-то картинки или свернет на Жюля Барбе Д'Оревилю! Пошли! Он все равно терпеть не может, когда кто-то врывается среди лекции!

Лида сдалась, девушки вышли во двор и уселись в машину. Зеленый «Рено» давно уже намозолил глаза преподавателям, ставившим машину тут же, под окнами. Свете даже сделали замечание в деканате, на что она притворно удивилась:

– То есть стоянка только для преподавателей? Вот не знала! Где же это написано, интересно? Я тоже имею право ставить там машину!

И с ней, как всегда, никто не стал препираться.

По дороге Света оживленно болтала, передавая какие-то запутанные институтские сплетни, которые были Лиде не очень интересны. И вдруг фыркнула:

– Знаешь, когда ты сошлась с Алешей, мы все гадали – поженитесь вы или он уедет к себе домой с дипломом, но без тебя. Вышло ни то ни се.

Лида взглянула на нее с обидой:

– Почему это? Мы все равно, что женаты.

– Все равно – не считается, – тем же небрежным тоном возразила подруга. – Вам нужно пожениться по-настоящему. Что вы тянете? Или он не желает?

– Да мы оба как-то не рвемся в ЗАГС, – холодно ответила Лида. Она уже успела пожалеть о своей мягкотелости и об этой поездке. «Лучше бы я слушала, как милый Иван Иванович рассказывает о японских гравюрах шестнадцатого века, – подумала она. – Или о рококо, или... Да что угодно лучше, чем эта ее привычка лезть в чужую душу!»

– Странные вы, ребята. – Света быстро облизала губы и попыталась пойти на обгон. У нее ничего не вышло, и она коротко выругалась. – Если люди живут вместе пять лет безо всякой свадьбы, это значит, что они уже никогда не поженятся. Знаешь, как к такому привыкают? Особенно мужики. Им это очень удобно – потом ни раздела имущества, ни алиментов!

– Откуда ты столько знаешь о мужиках? – не выдержала и съязвила ее жертва. – Можно подумать – пять раз разводилась!

Света расхохоталась:

– А я как раз и планирую пять раз выйти замуж. С первого раза никогда ничего хорошего не выходит.

Лида не стала с ней спорить. Обида прошла, и в душе она немного потешалась над самоуверенной подругой, безоговорочно убежденной, что отыщется не меньше пяти претендентов на ее руку. «Хоть бы одного сперва нашла, – думала Лида. – С тех пор, как я ее знаю, еще ни один парень не позарился».

Тем временем они приехали – Света, несмотря на небольшой стаж, ловко вела машину и умело избегала пробок, пользуясь объездными путями. Высокий дом-башня из желтого кирпича находился в глубине заснеженного двора. В подъезде с ними поздоровалась консьержка. Сухонькая старушка, как всегда, кипятила чайник, укрывшись в своей тесной конурке, подходящей ей по размеру, как панцирь подходит черепахе. Сколько раз Лида ее видела – столько та и возилась с чайником. Казалось, эта несложная обязанность поглощает все внимание старушки, но тем не менее она умудрялась замечать кое-что еще. Девушка вспомнила, какой основательный допрос был ей учинен, когда она явилась сюда впервые, на день рождения к Свете.

– Дома, надеюсь, никого, – пробормотала Света, пока поднимался лифт. – Мадам поехала смотреть очередную шубу. Вот именно смотреть – она будет на нее пялиться, как в телевизор, пока ее не стукнуть по затылку! Папа в Милане, а Серега где-то шляется третий день.

– Да, я тоже надеюсь, – несколько невпопад ответила Лида. Но подруга прекрасно ее поняла и ответила быстрым, пронзительным взглядом.

Квартира была пуста. Света, не снимая высоких щегольских сапог, направилась на кухню и вытащила из шкафа бутылку вина. Лида развела руками:

– По какому поводу? Мне сегодня еще работать.

– Эдвин Друд? – подмигнула та. – Вот давай за него и выпьем.

В конце концов она опять настояла на своем и усадила подругу за стол. Лида сама нарезала сыр, разложила на тарелке ветчину, отыскала хлеб. Хозяйка ограничилась тем, что распечатала два пакетика фисташек и немедленно взялась их щелкать. Попутно она наливала вино и умудрялась время от времени затягиваться сигаретой. Вокруг нее по обыкновению сразу показался мусор – пепел, скорлупки, капли вина, но Света ничего этого не замечала. «Даже если ее мать бездельница, то убирать ей все равно приходится немало», – подумала Лида и подняла бокал:

– Что ж, за Эдвина Друда!

– Правильно, за него! – Света жадно выпила и снова наполнила свой бокал. – Кстати, по какому поводу мы пьем? За здоровье или за упокой? Он у тебя воскреснет?

– Думаю, да, – последовал осторожный ответ.

– Я в тебе не ошиблась, – заметила хозяйка, звонко разгрызая фисташку. – Ты слишком добрая, чтобы оставить его в могиле. Но тебе нелегко будет это доказать!

– У меня есть одна идея, – скромно возразила Лида. – По-моему, никто из последователей и критиков еще до нее не додумался. Я могу доказать, что у Эдвина была физическая возможность остаться в живых!

Света подставила тарелку и смела в нее скорлупу от фисташек. Разлила по стаканам остатки вина. Она всегда пила охотно, почти жадно, но пьяной Лида ни разу ее не видела. Просто та становилась более резкой, агрессивной в движениях и, случалось, была не прочь поссориться. В такие моменты Лида старалась уйти, но сейчас ей это не удалось.

– Любопытно... – Света подняла стакан и рассмотрела на свет красное вино. – Как это он мог остаться в живых? От его дядюшки было не так-то просто улизнуть, знаешь ли. Сперва он опоил племянника вином с опиумом, потом, по всей видимости, задушил шарфом, затем опустил в чужой склеп, засыпал негашеной известью, чтобы она разъела тело до неузнаваемости, и наконец, накрыл плитой. Я ничего не упустила?

– Ты здорово помнишь роман, – улыбнулась Лида. – Мы ведь как-то обсуждали его на семинаре, и ты знала его лучше всех. Многие вообще не читали.

– Так объясни мне, милая, – перебила Света, – как при таких условиях бедный молодой человек мог уцелеть и спастись? А его дядюшка провернул все до мелочей, иначе на другой день не был бы так убежден, что Эдвин мертв!

– У меня есть версия, – упорно и уклончиво повторила Лида. – Собственная. Мне бы пока не хотелось ничего объяснять.

– Ну пожалуйста. – Света все еще улыбалась, но ее прозрачные серые глаза неожиданно стали жесткими и будто выцвели. Такие глаза Лида уже видела у подруги, и не раз. Стоило отказать Свете в том, чего ей очень хотелось, и...

Девушка вздохнула:

– Ну ладно. Ты ведь помнишь, когда именно дядя убивает Эдвина?

– В сочельник, – моментально ответила та.

– То есть в Рождество! В ту ночь, когда родился Христос. А что случилось с Христом после того, как его распяли? Он воскрес. Вот и Эдвин тоже воскреснет. Диккенс обещал, что в

этом романе ни одна деталь не будет случайной, а такую деталь, как дата смерти, нельзя считать незначительной. Эдвин Друд жив.

Света, не отрываясь, смотрела на подругу, и ее глаза мало-помалу приобретали обычное выражение. Наконец она глубоко вздохнула, осушила бокал и добродушно рассмеялась:

– Вот не знала, что ты так набожна. И это все твои аргументы?

– Почти. Остальное узнаешь, когда прочитаешь продолжение романа в моем исполнении.

– Ты все-таки начала?

– Вчера. – Лида решительно встала. – Ну все, мне пора, нужно приготовить голубцы на ужин.

Света ее не удерживала. Она выглядела задумчивой и едва не забыла про обещанный к новоселью подарок. Она догнала подругу уже у лифта и успела сунуть ей довольно тяжелую картонную коробку:

– Бери, пригодится.

Двери с грохотом захлопнулись, и лифт поплыл вниз. Старуха консьержка наслаждалась в своей каморке свежесваренным чаем и едва подняла глаза на уходящую гостью.

Подарок Лида рассмотрела уже под козырьком подъезда. В коробке, разгороженной изнутри картонными пластинами, стояло пять бокалов розового стекла. Лиде не нужно было их вынимать, чтобы убедиться – на бокалах вырезан узор из розовых гирлянд. Шестая ячейка пустовала, и девушка очень хорошо помнила, кем и при каких обстоятельствах был разбит недостающий бокал.

– Вот язва, – тихо сказала она, закрывая коробку. – Пойти бы сейчас наверх и грохнуть этот подарочек об ее дверь!

Но, помедлив минуту, она передумала. Дело было в том, что, скитаясь по съемным квартирам, молодые люди так и не обзавелись необходимой посудой. У них было всего несколько дешевых тарелок, алюминиевые ложки-вилки, позаимствованные из институтской столовой, пара кастрюль и три чашки (третья – для гостей). Бокалов не было вовсе. Лида закрыла коробку и заспешила к автобусной остановке. Теперь она жила в одном районе со Светой и до дома добралась за полчаса.

* * *

Она и думать не думала, что эти бокалы еще целы. В квартире родителей Светы пол на кухне был выложен мраморной плиткой, так что любой оброненный предмет из стекла или фарфора разлетался в пыль. «Мне просто хотелось думать, что они разбиты. – Лида ехала в переполненном автобусе, осторожно прижимая к груди коробку и одновременно стараясь удержать на плече сползавший ремень сумки. – Мне было бы приятней, если бы эти розовые стаканчики исчезли все до одного».

Когда она заканчивала первый курс, Света пригласила ее на день рождения. Той исполнилось девятнадцать – эту дату Лида слышала с недоумением, она полагала, что сокурсница куда старше.

– Да, я так старо выгляжу, – усмехнулась Света, что-то разглядев во взгляде подруги. – Повезло с типом кожи. Ну, так ты придеешь?

Лида торопливо пообещала прийти, и ее не остановило даже то, что приглашена она была без Алеши.

– Ты моя подруга, – бесцеремонно заявила именинница. – А он мне никто.

И в самом деле между Светой и Алексеем теплых отношений так и не установилось. Это было удивительно, ведь парень так легко сходилась с людьми, мог общаться практически с кем угодно. Но вот в присутствии Светы он разом замыкался, в разговоры не вступал и чересчур заметно давал понять, что та ему неинтересна. Лида ругала его за это, но муж отмахивался:

– Брось, мне стараться ни к чему!

– Мне тоже ни к чему, я и не стараюсь! Она просто моя подруга!

– Вот и дружи с ней, а меня не трогай. Она мне не нравится. Слишком уж много о себе воображает.

Тут Лида была вынуждена с ним согласиться, правда про себя. Она давно заметила, какого высокого мнения о себе ее новая приятельница, но отвергнуть ее дружбу не могла – она и так почти никого не знала в Москве. Света сразу после поступления в институт взяла маленькую девушку с застенчивым взглядом под свое крыло. И Лиде стало намного легче, у нее пропало чувство, что она никому не нужна и не интересна. Ей даже почти нравился открытый, слегка циничный взгляд на вещи, которым щеголяла Света, ее раскованные манеры и острый язычок. Все это почему-то привлекало и успокаивало.

Девушка купила подарок из присланных мамой денег – самую дорогую перьевую ручку, какую только могла себе позволить. Это был немыслимый расход, на такие деньги она могла бы приобрести пару туфель... Но ударить в грязь лицом почему-то очень не хотелось. Однако Света подарка не оценила. Повертела в руках футлярчик, поглядела на золотые блики матового металла и с милой улыбкой поблагодарила:

– Это не настоящий «паркер», а корейская подделка, но все равно спасибо.

Лиде удалось скрыть, как больно это ее ударило. «Она страшно избалована, и, конечно, вещами ее не удивишь. Тут нужно было дарить “Кадиллак”».

Она не знала почти никого из приглашенных гостей. Света ни с кем не подружилась в институте, там она держалась особняком и всюду таскала за собой маленькую подружку, как будто ее общества было совершенно достаточно. Из-за этого Лида и сама завела очень мало знакомств среди сокурсников и сейчас очень об этом жалела. Но тогда, на первом курсе, она еще ни о чем подобном не думала. Ей просто жаль было напрасно выброшенных денег, и она слегка стеснялась своих дешевых джинсов.

Родители отсутствовали, хотя роскошно сервированный стол говорил о том, что «мамаша-бездельница» все-таки потрудились. Гости были разодеты кто во что горазд. Многие пришли парами и теперь отрешенно танцевали в гостиной. Света пронеслась из кухни в столовую, поставила между приборами несколько бутылок вина и совершенно неожиданно скисла.

– Ненавижу я эти праздники, – хмуро сказала она. – Каждый раз пытаюсь повеселиться и каждый раз обламываюсь.

– Почему? – пожалела ее Лида. – По-моему, все идет хорошо.

– Да что хорошего, – та с ненавистью посмотрела в открытую дверь гостиной, где колыхалась обнявшаяся парочка, – пришли пожрать на халяву, напиться дорогого вина и виски... А на меня им плевать.

И тут она сказала то, что надолго привязало к ней подругу, будто вбило гвоздь в их непрочные еще отношения. Всякий раз, когда Лида обижалась и всерьез решала освободиться от этой тягостной дружбы, эта фраза вспоминалась ей и останавливала от решительного шага. Нельзя бросить человека, который однажды сказал тебе такое...

– Только ты и любишь меня ради меня самой, – произнесла Света, все еще глядя в сторону. – Больше никто.

Девушка не нашлась с ответом. Любит ли она Светлану? Любит! Неужели? Та вызывает у нее интерес, иногда восхищение, а зачастую и потаенную жалость. Но любовь?

– Не занимай телефон! – крикнула Света, как будто забыв о том, что только что говорила. – Положи трубку, я жду звонка.

Молодой черноволосый парень, утонувший в кожаном кресле, не обратил на нее никакого внимания. Он снова принялся нажимать кнопки, поднес к уху трубку и, прикрыв глаза, ждал ответа.

– Сергей, я говорю серьезно! – уже истерично продолжала Света. – Я жду звонка!

– Напрасно ждешь. – Тот нажал на сброс, повесил трубку и впервые повернулся. Лида увидела вытянутое смуглое лицо с глубоко посаженными серыми глазами, взлохмаченные волосы и кривоватую улыбку, которая сразу убедила ее, что это какой-то родственник Светы. Та развеяла ее сомнения:

– Мой брат – редкостный придурок.

– О боже, – меланхолично произнес он, продолжая смотреть на Лиду. – Сестренка, ты всегда такая милая, просто слов нет. Давай садиться, я умираю с голоду.

За столом выяснилось кое-что еще. На самом деле, сегодня праздновалось сразу два дня рождения – Сергей и Света оказались двойняшками. Лида смутилась:

– Я не знала, не захватила подарка... Почему ты мне не сказала?

– Еще подарки ему дарить, – отшутилась та, раскладывая по тарелкам отбивные. – Обойдется.

Сергей, казалось, ни на что не обижался или пропускал ее уколы мимо ушей. Он сидел напротив Лиды, не сводя с нее глаз, изредка улыбался и почти ничего не ел. Зато пил с пугающей жадностью – девушка в ужасе предположила, что остаток вечера он проведет, запершись в уборной. Но ничего подобного не случилось. Просто серые глаза как-то выцвели и лишились глубины, улыбка застыла, будто хозяин забыл ее убрать с губ, а движения стали вялыми и ослабленными.

Прикончив угощение, открыли бутылку виски, приготовили коктейль и снова танцевали. Лида от приглашений отказывалась. Приглашали ее два раза – и оба раза Сергей.

– Это потому, что я выпил? – шепотом осведомился он.

Они сидели на маленьком двухместном диванчике, и бедро Лиды волей-неволей оказалось прижатым к его ноге. Отодвигаться было некуда, а встать неловко. Она пыталась шутить, но у нее ничего не получалось. Этот взгляд – удивительно упорный, но при этом ничего не выражающий, начинал ее пугать. Он завораживал, лишая воли, как будто она столкнулась в глухом лесу с диким зверем, который пока еще только смотрит, не делая попытки напасть, но мало ли что взбредет ему на ум в следующий миг? «Да это же мальчишка, сопляк, – говорила она себе. – Я на два года старше. Когда я перестану бояться собственной тени? Нужно встать, найти Светку и попрощаться. Поздно, мне пора ехать. Алеша сейчас один...»

– Я не пьян, уверяю. – Ей показалось, что от его ноги исходит жар, как от протопленной батареи. – И я люблю танцевать. Ты ее институтская подруга?

– Да. Мне пора.

Лида сделала попытку встать, но он неожиданно удержал ее за руку. Узловатые длинные пальцы оказались твердыми, как железо, и Лида от неожиданности рванулась. Бесплезно – запястье заныло, будто на нем зажимали тиски, а он все смотрел ей в лицо со своей застывшей улыбкой:

– Подожди, куда ты собралась? Еще рано, останься.

– Пусти, – страшным шепотом ответила она и снова рванулась.

Сергей начал смеяться, и тут, глядя ему в глаза, она в ужасе поняла, что парень вовсе не пьян. Он...

– Ты мне безумно нравишься, – заплетающимся языком проговорил он. – Такая лапочка! Все будет замечательно, я обещаю.

– Пусти!

Еще один рывок – такой же бесполезный. Он держал ее и стыло улыбался. Его лицо стремительно менялось – теперь оно принадлежало скорее зрелому, опытному мужчине, чем девятнадцатилетнему парню. И оно внушало Лиде острое отвращение, когда Сергей заявил:

– Ты же видишь, все ушли, чтобы нас не беспокоить. Все уже всё поняли, кроме тебя. Кончай ломаться!

И действительно, до Лиды впервые дошло, что в столовой, кроме них, никого нет. За прикрытой дверью звучала музыка, кто-то смеялся, стучали каблуки танцующих девушек. С кухни тянулись тяжелые волны сигаретного дыма. А здесь они были одни...

– Пусти, – в последний раз прошептала она и неожиданно почувствовала такой страшный прилив ненависти, что как будто вышла на миг из собственного тела. Оно стало легким, неудобным и совершенно чужим. Это не ее, Лиду, сейчас держали за руку, а какую-то робкую дурочку, которая и голоса не смеет поднять, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Нет, эта девочка, попавшая в западню, – не она. А она...

Дальнейшее произошло как во сне. Лида рванулась в последний раз, подтягиваясь к столу, свободной рукой схватила розовый бокал, на дне которого еще колыхались остатки виски, и с силой обрушила его на лицо Сергея. Тот странно захрипел и, вскочив, зажал лицо ладонями. Между сомкнутыми пальцами тут же показалась кровь.

– А-ах ты... – глухо протянул он.

Лида бросилась вон из квартиры, едва не позабыв сумку.

На другой день она с трепетом ждала встречи с подругой, предчувствуя обиду, скандал, а то и что похуже. Но Света, как всегда, слегка опоздав и усаживаясь на заднюю парту, тут же шепотом сообщила, чтобы та не переживала.

– Врезала ты ему прилично, но все обошлось, – сказала она. – Глаза целы, и нос не сломан. Бокал вот разбился, а жалко. Они у нас уже сто лет, и все шесть были до сих пор целы.

– Прости, – шепотом ответила Лида, сгорая от стыда.

– Ничего, нужно же когда-то начинать их бить.

– Я о твоём брате.

Света улыбнулась:

– Вот кого мне ни капельки не жалко! Ему наложили два шва на левую щеку, тем и кончилось. В общем, ты все-таки сделала мне классный подарок ко дню рождения!

– Шутишь?!

– Ничуть. – И, отворачиваясь к доске, девушка еле слышно промолвила: – Даже если бы ты его убила, я бы ни слова не сказала.

Подарки, которые нам дарят, – это только представление дарителей о нас самих.

Глава 4

Муж ничего не знал об этой истории, и поэтому бокалы ему понравились. Правда, Алешу слегка покорило то, что комплект был неполным.

– Я бы на твоём месте обиделся, – сказал он. – Что это за подарок – на тебе, Боже, что мне негоже?

– Дело в том, что шестой бокал разбила я сама, – пояснила Лида, торопливо переодеваясь и судорожно заглядывая в холодильник. – О, купил фарш, молодец. И капуста отличная! Немного риса у меня ещё осталось... Наверное, все получится, жалко только, что Мария Ивановна зажала кастрюлю!

– Ну, если ты сама разбила бокал – тогда ладно. – Муж помог отнести продукты на кухню. – Я ещё пива купил. А Вера была сегодня совершенно пьяна! Теперь я даже не сомневаюсь, что она алкоголичка.

Девушка испуганно выглянула в коридор и, вернувшись в кухню, отчитала мужа страшным шепотом:

– Нам-то какое дело, пьёт она или нет? – Она открыла воду и принялась «раздевать» большой кочан капусты. – Главное, чтобы денег на водку не просила, а на такую она вроде не похожа.

– Да, но мне всё равно как-то не по себе, – оправдывался Алеша. – Как представлю, что она тихонько сидит за стенкой, совсем одна, и понемногу нарезывается в этой тишине... Хоть бы телик включила для компании! Как-то нехорошо, когда человек пьёт один! Меня это подавляет.

Лида посоветовала ему меньше думать о чужих делах и принялась готовить голубцы. Алеша по привычке составлял ей компанию, хотя на этой кухне жене не грозили домогательства слишком любезного соседа. Они отлично поужинали у себя в комнате, уничтожили по две порции голубцов, выпили три бутылки пива – в основном, правда, с помощью Алеши. Пиво наливали в новые бокалы, и вот тут Лида окончательно их оценила. Собственно говоря, она видела эти розочки всего один раз – с того злополучного дня рождения Света больше не ставила этих бокалов на стол. Теперь они показались ей очень красивыми, и Лида предположила, что они дорогие.

– Немецкие или чешские, я думаю. Впрочем, удивляться нечему. У Соколовых всё дорогое, чего ни коснись.

– И тебе это нравится? – Муж глядел на неё пристально, как будто ответ был для него очень важен.

Та слегка пожала плечами:

– Нравится, конечно. Я тоже люблю красивые вещи – и посуду, и одежду.

– А ты знаешь, что я никогда не смогу тебя всем этим обеспечить? – всё с тем же странным выражением спросил он. – У нас в семье никто не умеет зарабатывать больших денег, даже не знаю почему. Наверное, это как-то передаётся по наследству.

Лида попыталась его уверить, что в конечном счёте высокий доход не так уж важен, что она сама избалована и с лёгкостью отказывается от любого соблазна... Но муж расстроился – она это видела и не решилась продолжать этот разговор. Вымыла посуду, приняла душ и молча уселась за пишущую машинку. Алеша улегся в постель с какой-то книгой, но не читал – она не слышала шелеста переворачиваемых страниц. «Ну что я ему сказала? Нужно было прикусить язык, Алеша всё-таки глава семьи, и ему неприятно, что он не может меня баловать... А извиняться как-то глупо, я ведь просто сказала правду...»

В такие минуты ей больше всего помогала работа: перевод, чтение конспекта – все что угодно, чтобы занять голову. На этот раз ее ждал Эдвин Друд. И она решительно напечатала первую строчку.

Сказав Свете, что она основывает свою версию о воскрешении только на том, что убийство случилось в сочельник, Лида слегка покривила душой. Ей очень не хотелось посвящать подругу в свой замысел – она и сама не могла бы сказать почему. Возможно, ей надоело отчитываться перед Светой в каждом своем шаге, чуть ли не в каждой мысли. А может быть, девушке казалось, что ее версия тут же будет безжалостно опрокинута, сметена с лица земли, и тогда у нее точно не хватит смелости продолжить роман.

Перед тем как взяться за дело, она внимательно перечитала всю критику об «Эдвине Друде», которую удалось найти. Правда, многие склонялись к мысли, что Эдвин остался в живых, но мотивировали ее весьма слабо, как бы мимоходом – как нечто, не требующее доказательств. В частности, высказывались такие доводы: как мог Диккенс чуть не в первой трети романа убить героя, именем которого названа книга? Он никогда прежде этого не делал! Также напоминали о том, что Диккенс очень любил прием «мертвец выслеживает» и неоднократно им пользовался.

Их противники возражали, и весьма обоснованно. Во-первых, говорили они, Эдвин Друд – характер неинтересный, малосимпатичный и вообще не нужен для развязки, он играет пассивную роль жертвенного животного на алтаре. Самое в нем интересное, писали они, что Эдвин был убит. И потом, каким образом мог спастись человек, которого за одну ночь, можно сказать, убивали трижды? Яд, удавка, негашеная известь – и все понапрасну?! Самый авторитетный комментатор «Эдвина Друда» – Дж. Каминг Уолтерс – безжалостно высмеивал мысль о том, что Эдвин мог спастись. И Лида уже была готова поддаться его влиянию, как вообще поддавалась любому нажиму, но... Внезапно сделала свое собственное открытие, которое и подтолкнуло ее к тому, чтобы заключить договор с издательством.

Эдвин ФИЗИЧЕСКИ МОГ спастись, перенеся все то, что проделал с ним дядя! Она поняла это после разговора с подругой, ночью, запутавшись в тягостном и очень реалистическом кошмаре, где с мучительной навязчивостью мелькали образы Эдвина, Джаспера и старухи – курильщицы опиума. Догадка оказалась почти пугающей – настолько неожиданный поворот вырисовывался теперь впереди. И навело ее на эту догадку всего одно слово, которое несколько раз настойчиво повторялось в тексте романа – как замаскированный намек, как ненавязчивая подсказка.

«Негашеная известь! НЕГАШЕНАЯ! Джаспер полагал, что засыпает тело своего племянника негашеной известью, тогда как она к тому моменту уже была ГАШЕНОЙ и годилась разве что на побелку потолков!»

Это приснилось ей в том самом кошмарном сне, от которого ее с трудом пробудил Алеша. Она оказалась в ревущей ледяной тьме, под тенью соборной башни, на маленьком провинциальном кладбище. Была ночь сочельника, бушевала буря, скрипела и билась на ветру кованая калитка, и дождь поливал смутно белеющую в темноте кучу извести у ворот. Лида почти ощущала едкий запах лопающихся ядовитых пузырей и пыталась отойти от извести подальше, чтобы та не сожгла ей босые ноги, – во сне она была в пижаме и босиком. И вдруг поняла, что бояться нечего.

«Той ночью, когда убивали Эдвина, разразилась страшная буря! – думала она на другой день. – Диккенс описывает ее на нескольких страницах – неужели зря, только в качестве зловещего антуража, чтобы было пострашнее? Ну, нет! Он решил написать идеальный детектив, и такая деталь, как проливной дождь в момент убийства, не могла оказаться случайной, особенно когда дело коснулось извести».

Она тщательно перелистала роман, всячески пытаясь опровергнуть свою догадку. И нашла детали, которые ее подтверждали. Вот Джаспер отправляется вместе с каменщиком

Дёрдлсом осматривать соборные подземелья. Таким образом он исподволь готовится к исполнению своего замысла – ведь нужно досконально изучить место, где будет происходить действие, да, возможно, и снять слепок с ключа. Дёрдлс предупреждает регента: «Осторожнее у ворот, мистер Джаспер. Видите, там куча слева?» Джаспер спрашивает, что это такое, и получает исчерпывающий ответ: «Негашеная известь. Наступите, башмаки вам сожжет. А если поворошить ее малость, так и все ваши косточки съест без остатка».

«Значит, Джаспер понятия не имел о том, что такое негашеная известь, если пришлось ему все объяснять! – думала Лида, вспоминая школьные уроки химии – свои самые любимые уроки после английского языка и русской литературы. – Где уж ему было знать, при каких условиях это опасное вещество становится вполне безопасным, годным разве на побелку потолка! Конечно, небольшой ожог при контакте с такой субстанцией все равно можно получить, но он будет несмертелен, иначе все маляры ходили бы с забинтованными руками и лицами. В худшем случае будет сильное раздражение, которое можно вылечить домашними средствами. Но знал ли об этом кто-нибудь из комментаторов Диккенса? Изучали ли они химию? Что-то незаметно, ведь никто из них не обратил внимания на такую тонкость, как слово “негашеная”. Диккенс употребляет его еще несколько раз, в других местах. Зачем? После первого упоминания достаточно просто сказать “известь”, и уже будет ясно, о чем идет речь. Но нет, ему важно именно прилагательное».

Конечно, она всячески обдумала эту версию – лучше разоблачить свою ошибку самому, чем доверить это другим. Сомнений было предостаточно. Например: Джаспер так тщательно готовил преступление! Может, он заранее перенес в склеп немного извести, чтобы она была под рукой, когда он будет погребать Эдвина? Но это было бы слишком рискованно, ведь как раз в это время в склепе работал каменщик, он изготавливал надгробную надпись для покойной миссис Сапси. Разумеется, Дёрдлс, очень ревниво относившийся к своим трудам и знавший на кладбище каждую мелочь, сразу бы обратил внимание на то, что в склепе появилась известь, которую он туда не таскал. Таким образом, становится очевидным, что укрытия от дождя не было, и в ночь убийства Джасперу пришлось вернуться к воротам, чтобы запастись материалом.

Но был ли в ночь убийства дождь? Диккенс описывает страшную бурю, сильные порывы ветра, нанешие городу немало мелких повреждений. Но, внимательно перечитав описание бури, Лида не обнаружила в нем ни капли дождя!

Здесь она снова усомнилась в своей правоте и тщательно проверила последующие страницы. Ночь миновала, буря утихла. Эдвин куда-то исчез, но пока его не ищут. Невил Ландлесс, помирившийся с ним накануне, бодро выступает в свой пеший поход по окрестностям. Он желает позавтракать перед дальней дорогой и заходит в деревенский трактир «Опрокинутый фургон». Диккенс описывает трактир как «прилепившееся на склоне холма и насквозь холодное помещение, где у самых дверей красовались ЛУЖИ...».

Лужи на склоне холма? Значит, в эту ночь все-таки был дождь, причем настолько сильный, что вода еще не успела уйти в низину с вершины холма. А уж на кладбище все должно было вымокнуть насквозь, ведь местность там низменная. «Значит, Диккенс специально отводит глаза тем читателям, которые могут бессознательно насторожиться при слове “негашеная”, – предположила Лида. – Никакой дескать воды не было. Но так как он, во-первых, реалист и описывать бурю без дождя не может, а во-вторых, ему нужно дать хотя бы маленький путеводный знак тем, кто пойдет по верному пути, он и переносит лужи на две страницы дальше. Значит, я права – известь в ту ночь все-таки погасла!»

Когда Лида не обнаружила ни единого противоречия со своей версией, она страшно возбудилась. Как – неужели ей удалось схватить путеводную ниточку, тот самый намек на то, как спасся Эдвин Друд? И сделала она это только благодаря школьным познаниям в химии?! Все

так ошеломляюще просто?! Она бросилась вспять, пытаясь обнаружить другие доказательства своей правоты. Неужели у Эдвина появился реальный шанс остаться в живых?!

Прежде чем дядя заманил его на кладбище, он опоил племянника вином с изрядной дозой опиума. Доза, конечно, была не смертельной, иначе Эдвин не смог бы перед тем проводить Невилла. Но постепенно молодой человек впал в сонное, апатичное состояние и не способен был оказать сопротивление. На обратном пути он явно повстречал дядю, который все время шел за ними. Дядя под каким-то предлогом заманивает его на кладбище, что вовсе несложно, учитывая, что племянник ему доверяет и находится в полусне. Далее «черный шарф из крученого шелка», который накануне висел на шее у Джаспера, перекочевал на шею племянника, и явно не в качестве рождественского подарка.

Версию о предназначении этого шарфа Лида не изобретала – она согласилась с теми комментаторами, которые обращали особое внимание на эту слишком заметную деталь, появившуюся накануне убийства. Сам Диккенс слегка смутился, когда его спросили, не этим ли шарфом дядя задушил Эдвина? «Ну разумеется, шарф играет важную роль, – думала Лида. – Если допустить, что он введен для отвода глаз... Нет, не может быть. Каким же образом тогда убит Эдвин? Удушение – это самый тихий способ, бескровный, беззвучный, а стало быть бесследный. А Джасперу нужно, чтобы не осталось ни малейшего следа. Нож в таком случае отпадает, пистолет – тем более. В обоих случаях жертва может закричать, а мало ли кто слышится поблизости!»

Итак, на шее сонного, слабо отбивающегося Эдвина застряла удавка. Диккенс этого не описывает – он ограничивается только подробным описанием окружающего пейзажа. «В ограде собора освещение и всегда неважное, а в эту ночь там особенно темно, потому что ветер задул уже несколько фонарей». Лида предположила, что Джаспер фонарем не пользовался – это было бы все равно что подать сигнал: «Я здесь!» И к тому же ветер все равно задул бы фонарь. Значит, он действует в темноте, почти на ощупь. Мог ли он принять полузадушенного, потерявшего все признаки жизни Эдвина за мертвого?

Да, вполне. Его могло подвести и то, что Эдвин был одурманен. У человека, принявшего большую дозу опия, дыхание замедляется, тело становится неподвижным – это похоже на сон или на смерть.

Итак, сочтя племянника задушенным, Джаспер относит тело в склеп, вскрывает гробницу миссис Сапси и укладывает туда тело. Затем возвращается к воротам, приносит известь и обильно посыпает «труп». По его расчетам, даже Дёрдлс, с его поразительным умением выстукивать камень и определять, что находится за ним, вскоре не сможет ничего учуять. Джаспер сделал все, что хотел, и потому на следующий день с пеной на губах обвиняет Невилла в убийстве. Алиби у юноши нет, всем известно о его ссоре с покойным, да еще и эти улики в реке – булавка и часы Эдвина Друда. Джаспер УВЕРЕН, что племянник мертв, а на него никто не подумает.

Однако Эдвин все еще жив! Описывая ту бурную ночь, Диккенс упоминает о маяке: «Но красный огонь горит непоколебимо. Все мечется и трепещет, непоколебим только этот красный огонь».

«Если это символ жизни, символ спасения, замена рождественской звезде, которая так и не взошла над ночным городом? – Лида закрыла книгу и задумалась. – Диккенс любил одушевлять вещи. У него даже шкафы и стулья бывают похожи на мыслящие существа. А такой символ, как огонь маяка? Маяк – это всегда надежда, указание верного пути. Какая могла быть надежда, если Эдвин в это время погибал, да еще так страшно и несправедливо, а главное – бессмысленно даже для своего убийцы? Это что – шуточка? Ну уж нет. Диккенс даже отъявленных негодяев убивал с долей сострадания и никогда не проливал крови зря, ради острого сюжетного поворота. Эдвин остался жив! Он вернется, и вернется совсем другим. “Интересен только потому, что мертв?” Глупости! “Тайна Эдвина Друда” – это роман воспитания, где

главный герой поразительно меняется от начала к концу. А Диккенсу такие романы удавались лучше всего».

– Ты что-то опять застряла, – послышался Алешин голос. Тот давно отложил книгу и, не отрываясь, смотрел на профиль жены, мягко освещенный настольной лампой.

Лида со слабой улыбкой обернулась:

– Все думаю, думаю над книгой... И чего-то боюсь.

– Ну, ты всегда чего-то боишься.

– А ты никогда? – все с той же отрешенной улыбкой спросила Лида. – Никогда-никогда?

– Я боюсь тебя, когда ты вот так сидишь и смотришь в стену, – признался Алеша. – Мне кажется, что ты не здесь, а где-то за тридевять земель.

– Это называется творческая сосредоточенность. – Лида потрянула волосами и наконец очнулась от своего оцепенения. – Что-то вроде сна наяву. Ты и сам это прекрасно знаешь.

– Да, но раньше ты это делала как-то по-другому. – Он сел, нашарил тапочки и потянулся, вздрагивая всем телом. – У тебя было такое серьезное, милое лицо, как у ребенка, который делает уроки. С удовольствием их делает, понимаешь?

Девушка кивнула:

– Тоже мне, новость! Ты все время называешь меня ребенком.

– Сейчас ты была непохожа на ребенка. Когда ты думаешь об Эвине Друде, у тебя на лице упрямство и... – Алеша слегка запнулся, подбирая слово, и наконец, будто сам удивляясь, произнес: – Гнев!

– Прямо Эриния, – поддержала шутку Лида. – Кто-то же должен отомстить за бедного молодого человека!

– Не знаю. – Тот говорил совершенно серьезно, и жена тут же перестала улыбаться. – У тебя в такие минуты становится совершенно чужое, холодное и такое взрослое лицо... Как будто ты с кем-то споришь и сдаваться не собираешься. А если что будет не так – ударишь первая!

Тут она уже забеспокоилась. Алеша мог ошибаться, мог преувеличить. Но, очнувшись, Лида и впрямь ощущала на своем лице странное напряжение – будто следы непривычной мимики: маски гнева и упрямства, как выразился муж.

– Может, ты и прав, – неохотно признала она. – Уж очень меня достает этот сюжет. Давай-ка выпьем чаю, а потом я попробую написать хотя бы две странички. Мне обязательно нужно начать сегодня, иначе я вообще никогда не начну.

– Почему именно сегодня? – спросил Алеша, безропотно отправляясь на кухню с чайником.

«Из-за розовых стаканчиков, – подумала ему вслед Лида. – Из-за этих треклятых розовых стаканчиков, счетом пять, а шестой я разбила о морду того негодяя. Один-единственный раз в жизни я посмела защищаться, и в тот миг я правда превратилась в Эринию, и, наверное, на лице у меня была та же маска. Жаль, что Света этого не видела, иначе не стала бы меня унижать этим намеком! Я напишу продолжение романа так, чтобы никто не мог сказать, что я ошиблась, что это сотворила маленькая, слабая и неуверенная в себе девочка. Чтобы больше никто и никогда не смел дарить мне таких подарков!»

Они выпили чаю, Алеша поклялся соблюдать мертвую тишину, и к часу ночи Лида написала три с половиной страницы.

* * *

Она проснулась от звонка будильника, от «Алешиного звонка» – тот, как всегда, поднялся первым и уже натягивал халат, чтобы идти в ванную. Лида сонно пробормотала:

– Не забудь, сегодня мы покупаем тебе зимние ботинки.

– Сегодня? – расстроился он.

Лида упрямо повторила, что это нужно сделать немедленно, иначе он простудится в самые ближайшие дни. Она знала, что муж ненавидит любые магазины, за исключением книжных, и вытащить его куда-нибудь было тяжелым испытанием. Однако на самые необходимые покупки он все-таки иногда соглашался.

– Приходи в институт на большой перемене, – приказала она. – Ровно в час я жду тебя во дворе.

– А работа?

– Отпросишься ненадолго. Или придумаешь какое-нибудь дело в городе, – твердо сказала она. – Это много времени не займет – я уже присмотрела для тебя чудесную пару на кроличьем меху. Тебе останется только примерить их, а потом можешь сразу бежать.

Супруги выпили кофе вместе – Лиде уже не удалось уснуть. Когда муж ушел, она бегло перечитала написанное вчера вечером и осталась почти довольна. «Совершенного удовлетворения я, конечно, испытать не смогу, – подумала она, аккуратно убирая страницы в пустую папку. – Как на это ни смотри, а все-таки дело довольно двусмысленное. Хорошо бы узнать, в каком виде собираются подать мою версию? А то потом позора не оберешься...» Потом она вспомнила о деньгах. Восемьсот долларов – оставшаяся часть аванса – маячили перед ней не в виде нескольких купюр, а в виде горы новогодних подарков из самых нужных, самых желанных вещей, которые она никак не могла себе позволить прежде. Несколько новых словарей, совершенно необходимых, но ужасно дорогих – для себя. Пудра и помада – она мечтала попробовать что-нибудь получше той дешевки, которой до сих пор пользовалась. Постельное белье, оно просто необходимо, и конечно, кое-что из посуды. Алеша получит деловой костюм – ему нужно прилично выглядеть на службе.

«И самое главное, я буду знать, что мы останемся в этой комнате еще на несколько месяцев, – вздохнула она, наскоро перебивая чашки. – А это так важно! Просто сил нет так жить – все время на чемоданах, не знаешь, где проснешься завтра. А здесь так чудесно, так тихо!»

В институте она больше думала о романе, чем о конспектах, и потому несколько раз ловила себя на том, что начинает писать полную абракадабру или рисовать в тетради цветочки. Света с открытыми глазами дремала рядом, откинувшись на спинку стула. От нее сильнее обычного пахло духами, и Лида предположила, что та пыталась отбить запах перегара. «Наверное, вчера после моего ухода не смогла остановиться и вылакала еще одну бутылку, – подумала девушка, отодвигаясь ближе к окну, чтобы хоть немного удалиться от этой одуряющей ауры. – Такое с ней постоянно – не умеет остановиться. Если покупает на большой перемене бутылку пива, то можно быть уверенным – к концу занятий она вылакает еще одну».

Ее предположения подтвердились – Света была с похмелья и после первой же пары пулей вылетела на улицу, чтобы запастись пивом. На вторую пару она сильно опоздала и явилась уже под заметным хмельком. Запасную бутылку, пока еще нераспечатанную, она несла в руке – почти демонстративно.

Весь курс устался на дверь, когда Света, одновременно шатко и решительно, ввалилась в аудиторию. Преподаватель – маленький, седой, легко краснеющий философ – метнул в ее сторону побелевший пронзительный взгляд. С ним предпочитали не ссориться – он моментально взрывался, если кто-то опаздывал на пару минут или начинал шептаться во время лекции. Однажды, взбесившись из-за подобного пустяка (опоздали два студента подряд), он выскочил из аудитории... Полагали, что он пошел в деканат, ждали бури... Но через полчаса философ спокойно вернулся и как ни в чем не бывало продолжил лекцию. Зато на экзамене оттрепал провинившихся, как большой дог маленьких щенят.

– Звините, – выдавила Света, прикрывая за собой дверь. – Я за пивом ходила.

И направилась на свое место. Преподаватель густо покраснел, провожая ее взглядом, и вдруг произнес неожиданно нормальным голосом:

– Тема нашей сегодняшней лекции – средневековая схоластика. Кстати, в средневековых университетах студенты тоже пили... Но они пили вместе с преподавателями.

Студенты осторожно засмеялись, а Лида снова удивилась тому, как легко некоторым все сходит с рук.

К большой перемене Света была уже основательно пьяна. Она с трудом выбралась из-за парты и бросила подруге:

– Покарауль вещи, ты же никуда не идешь.

– Нет, я сейчас убегаю, – возразила Лида. Она нервно поглядывала в окно, но Алеши во дворе не замечала.

– Пять минут, – безапелляционно бросила та и вышла.

Лида проводила ее раздраженным и бессильным восклицанием, но все-таки осталась на месте. Через несколько минут она увидела, как Света шествует по двору. Сегодня на ней было чрезвычайно эффектное красное широкое пальто, и та была похожа в нем на кардинала. Во дворе курили студенты, сквозь неплотно пригнанные стекла слышался хохот и знакомые голоса.

Лида открыла окно и высунулась наружу. Мужа она все еще не замечала, зато сразу углядела, что Света пристроилась с бутылкой пива под памятником Герцену, в центре небольшого садика. К ней быстро шел высокий парень, уже на полпути начиная приветственно помахивать рукой. Это удивило Лиду – она привыкла к тому, что Света обычно проводила перемены в гордом одиночестве, если не нуждалась в ее обществе.

Парень в желтой куртке остановился рядом с девушкой, отнял у нее бутылку и бесцеремонно отпил несколько глотков. Света, вместо того чтобы возмутиться, вяло наблюдала за этим грабежом. Парочка была одного роста, у парня были такие же черные волосы... И хотя Лида видела его со спины, она вдруг поняла, что это не кто иной, как Сергей. Она тут же наглухо закрыла окно.

«А я-то надеялась, что больше его не увижу... Хоть бы не поднялся сюда! Как только придет Алеша, мы сразу отсюда удерем... Если Сергей закатит мне сцену, то Алеша бросится в драку, и чем это кончится? А хуже всего, что он ничего не знает о той истории, и получится, что все эти годы я ему лгала... Он бы ни за что не разрешил мне бывать у Светки! Куда податься, чтобы мы не столкнулись?»

Забыв о вещах подруги, она торопливо собрала сумку и спустилась в гардероб. Забрав свое пальто, осторожно выглянула наружу. Парочка все еще маячила под памятником, но была небольшая вероятность, что Лиду они не заметят. «Будь это месяц назад, меня бы скрыли от них кусты, – подумала она, слушая, как часто колотится сердце. – А вообще, почему я так волнуюсь? Да, я ударила его, может быть, немножко испортила ему лицо. Но ведь он сам виноват! Я только оборонялась!»

Света обернулась, сощурилась и замахала рукой. Девушка отпрянула к лестнице – она решила, что ее заметили. Но приветственный жест относился не к ней – во дворе в этот момент появился Алеша, и он направился прямо к памятнику, заметив знакомое лицо.

Лида опоздала на полминуты – когда она подбежала, все трое уже стояли на дорожке и оживленно о чем-то беседовали.

– Ты бросила мои вещи? – изумилась Света. – Без присмотра? У меня в сумке деньги!

– Извини, но я спешила, я ведь предупреждала, – торопливо ответила Лида, беря мужа под руку. – Почему ты задержался? Побегали?

– Куда это? – насторожилась Света. – Давайте выпьем пива!

Ее бутылка была уже пуста. Повертев ее в руках, Света прицелилась и швырнула порожнюю тару в урну. Стекло звякнуло о край и осыпалось коричневым дождем.

– Ты и так нажралась, – резко сказал Сергей. – Хватит, а то не сможешь сесть за руль.

– Ой, да пошел ты! – Сестра раздраженно запахла красные лацканы на груди и повернулась спиной к ветру. – Что за мерзкая погода! Совсем уже зима... Алеша, я сто лет тебя не видела, как дела? Так вы довольны квартирой?

– Вполне, – сдержанно ответил тот.

Алеша бросал косые взгляды на парня, сопровождавшего Свету, и явно терялся в догадках – кем он ей приходится? Родственное сходство было заметным, но не бесспорным, особенно теперь... Глубокий кривой белый шрам на его левой щеке выглядел, как детский набросок летящей чайки. Он сразу бросался в глаза и вызывал вопросы, которых Сергей, конечно, уже успел наслушаться за прошедшие три года.

Лида с первого взгляда заметила этот шрам и теперь молила Бога о том, чтобы уйти отсюда без выяснения отношений. Она никак не предполагала, что давняя рана окажется столь серьезной, втайне надеялась, что за три года небольшой порез может зажить бесследно. И вот убедилась, что эту отметину парню придется носить всю жизнь. «Наверняка всю жизнь, – подумала она, в смятении пряча глаза. – Я его ужасно изуродовала! Если он сейчас устроит скандал, то будет прав...»

– Как поживаешь, что пишешь? – приветливо обратился к ней Сергей.

Лида невнятно ответила, что все в порядке. Она просто места себе не находила и была счастлива, когда муж наконец увел ее прочь. На Малой Бронной она впервые перевела дух:

– Слава богу, вырвались! Светка с утра пьяна!

– Я заметил, – задумчиво проговорил муж. – А кто этот парень?

– Ее брат. Они двойняшки.

– Seriously? – удивился Алеша. – Вообще-то похожи, но не очень.

– Двойняшки, а не близнецы, – разъяснила Лида. – Разнополые двойняшки никогда не бывают близнецами. Кажется, он тоже пьян.

– Мне так не показалось. – Муж по-прежнему говорил медленно, задумчиво, и это очень встревожило девушку. – Ты с ним знакома?

– Я видела его всего один раз, давным-давно, на Светкином дне рождения. – Против воли девушка сразу начала оправдываться. – Не слишком приятный тип, особенно когда выпьет. Похоже, тут они с сестрой и в самом деле оказались близнецами. Ну, побежали, а то в магазине начнется перерыв!

Однако они успели примерить и купить те самые ботинки, которые давно присмотрела Лида. Онахватила с собой коробку и отправилась домой. Алеша поехал на службу. Они расстались на кольцевой станции метро и разошлись в разные стороны.

* * *

Она сидела за машинкой третий час подряд и удивлялась своей смелости – текст подвигался пока еще медленно, но Лида уже чувствовала, что написанные страницы начинают ей помогать, как будто в них появилась собственная инерция. «Это все равно что подтолкнуть машину, которая плохо заводится. – Она откинулась на спинку стула и блаженно потянулась, разминая затекшие плечи. – Потом она поедет сама. Эдвин жив, а для меня это было самым важным. Конечно, это далеко не все тайны, их еще предостаточно. Например, кто такой мистер Дэчери, странный следователь, явившийся через полгода после гибели Эдвина? Он явно замаскирован и выдает себя за другого. У меня есть своя версия, отличная от версии Каминга. Кто такая старуха, курящая опиум? Так сказать, следователь номер два, она ведь тоже все выпытывает насчет Джаспера и его преступления, хотя не знает толком, как оно было совершено? И опять же у меня свое мнение. Ни в коем случае она не может быть матерью Джаспера – не верю я в это. И кто именно спас Эдвина из склепа, и где он был все это время, как вернулся в мир живых, и почему молчал, не выдавая дядю, а заставил действовать за себя других? И

здесь у меня есть кое-какие догадки. Самое главное, что Эдвин жив. Не было смысла называть роман “Тайной Эдвина Друда”, если вся его тайна – в смерти, а ее обстоятельства любой читатель может восстановить из прочитанной части. Жил, смеялся, доверял людям, был жестоко и бессмысленно убит. Какая тут тайна? Его тайна – это тайна воскрешения. Иначе роман нужно было называть “Тайна Дика Дэчера и старухи, курящей опиум”. Самое то для дешевого детектива. Однако который теперь час?»

Она взяла свои крохотные часики, подаренные отцом перед ее отъездом в Москву, и взглянула на циферблат. Нахмурилась. Половина десятого? Однако как она засиделась, даже об ужине забыла. Собственно говоря, они оба забыли...

– Где он бегаёт? – проворчала Лида, выбираясь из-за стола и лениво причесываясь перед зеркальной дверцей шкафа. – Неужели трудно позвонить?

Алешу часто задерживали на работе, и роптать на это было бесполезно – он хорошо понимал, что на его место найдутся другие желающие, причем у многих будет московская регистрация и более подходящее образование, чем Литературный институт.

– Им всего-навсего нужен грамотный человек, который умеет набирать тексты на компьютере и отвечать на звонки, – мрачно сказал он, только устроившись на это место. – А мой диплом – это излишество. Все равно что забивать гвозди микроскопом. Гвозди, конечно, забьются, но микроскоп скоро поломаётся.

Тогда жена посоветовала ему выбросить эти упаднические мысли из головы. Все наладится, возможно, его повысят, а может быть, ему повезет и он найдет работу поинтересней. Так или иначе, если Алеша задерживался, то никак не по своей воле и вовсе не от чрезмерного рвения.

В коридоре раздавался мерный шуршащий звук, который все больше приближался к двери. Лида выглянула и увидела хозяйку. Облачившись в свой невероятный халат, та с меланхоличным видом подметала паркет истрепанной половой щеткой.

– Добрый вечер, – вяло поздоровалась Вера Сергеевна, глядя мимо жилички.

Лида ответила на приветствие и спросила, не звонил ли ей кто-нибудь.

– Нет, никто, – ответила та. – Что-то твой супруг задерживается.

– Я и сама беспокоюсь, – грустно сказала Лида.

– Разве я сказала, что беспокоюсь? – удивилась хозяйка и унесла совок и щетку на кухню.

Девушка поежилась и прикрыла дверь. «Ну вот и получила, – ругала она себя. – С Верой Сергеевной нужно все время быть настороже. Никак не пойму, почему одни фразы ее задевают и злят, а на другие ей плевать. Что я такого сказала? А она так меня отбрила, что в краску бросило. В самом деле ей беспокоиться нечего. Мы всего лишь жильцы».

В десять она снова вышла в коридор, сняла со стены трубку и набрала рабочий номер Алеши. Послушала долгие гудки – даже автоответчик был выключен. Больше звонить было некуда – сокурсники Алеши, с которыми он дружил, разъехались, а телефоны его немногих московских знакомых были у мужа в записной книжке, с которой он никогда не расставался.

– Может, отправился куда-нибудь праздновать и забыл известить?

Лида чуть не уронила трубку – она не услышала мягких шагов Веры Сергеевны. Та стояла рядом и разглядывала взволнованное лицо девушки.

– Праздновать? – Лида повесила трубку. – Что праздновать?

– А еще молодежь! – упрекнула та. – Сегодня самый ваш праздник – этот новомодный Хеллоуин.

– Я совсем упустила из виду, – вздохнула девушка. – Но мы не собирались праздновать Хеллоуин, никогда этого не делали...

– Вот увидишь, – авторитетно заметила Вера Сергеевна, – твой муж сейчас позвонит и позовет тебя в какой-нибудь ночной клуб. Будь я помоложе, и сама бы дома не сидела.

Сочтя девушку успокоенной, хозяйка скрылась в своей комнате. Лида вернулась к себе в полном недоумении. «Какой ночной клуб, там нужны такие деньги... Нужно совсем потерять голову, чтобы решиться на расходы ради какого-то модного праздника. И Алеша мне ни слова сегодня не сказал. Может, его на работе совратили? Вдруг нельзя было отказать начальству?»

Лида снова села за машинку, по опыту зная, что это единственный способ успокоиться. «Я начну волноваться в одиннадцать, – сказала она себе. – Не раньше. Пару раз случалось, что он возвращался после десяти, в таком случае должен появиться с минуты на минуту. Или позвонить. Алеша не мог никуда пойти без меня, такого никогда не было, я бы обиделась, и он это знает! И сейчас чувствует, как я волнуюсь, а не звонит только потому, что уже едет в метро или никак не может попасть к телефону на какой-нибудь дурацкой служебной вечеринке. Там могли выключить аппараты, чтобы никто не мешал напиваться».

Она работала до четверти двенадцатого. Лида нарочно убрала часы подальше с глаз, чтобы не следить за движением секундной стрелки, но у нее внутри безжалостно тикали другие, невидимые часы. Их стрелка проходила круг за кругом, пальцы вяло касались клавиш, девушка сделала несколько опечаток и в конце концов обнаружила, что уже не понимает, что пишет.

Лида вырвала лист из машинки, скомкала его и бросила под стол. Посидела, стиснув ладонями виски, вскочила и зашагала по комнате – от двери к окну, от окна к двери. Вернулась к столу и заправила чистый лист.

– Пиши, – сказала она вслух. – Пиши, это всегда помогало. Алеша сейчас вернется. Он выпил лишнее и потерял счет времени.

Но на этот раз испытанное средство не помогло. До часу ночи она не написала ни строчки. Телефон молчал. Алеша не вернулся.

Наши сны нам не принадлежат – это мы принадлежим снам, потому что видим их не по своей воле и не умеем ими управлять.

Глава 5

На следующее утро стул слева от нее остался пустым вплоть до последней лекции. «Хеллоуин, – отрывочно думала Лида. – Прекрасный повод напиться. Прекрасный... О чем это я думаю? Потихоньку схожу с ума...»

Во время большой перемены она дремала, уронив голову на руки. Перед началом третьей пары спустилась в подвал и позвонила домой из автомата. Вера Сергеевна сообщила, что Алеша не появлялся.

– Будь уверена, милочка, он и не уходил с работы. Они все перепились в стельку, я полагаю, – ободряла ее хозяйка. – Главное – выдержи характер, не звони туда. Пусть попрыгает, когда вернется! Дай ему понять, что ты и без него проживешь, не суешься...

Возможно, это был благой совет, но у девушки не хватило выдержки последовать ему. Она и впрямь суежилась, когда пыталась выяснить по телефону, появлялся ли муж на работе. Секретарь кого-то звал, куда-то уходил, потом трубку брал другой человек, который понятия не имел о том, кто звонит, и приходилось все объяснять заново. Лида чувствовала, что голос ее звучит жалко, а уж слова, которые ей пришлось произносить, – еще жалче.

– Извините, нельзя ли узнать, пришел на работу Свирский? Это его жена... Да, я подожду.

Фирма, где работал Алеша, была большой и, по его собственному признанию, весьма бестолково организованной. Большая часть сотрудников непрерывно перемещалась из кабинета в кабинет, пользовалась чужими компьютерами и телефонами, так что найти кого-то с помощью секретаря было сложно. До сей поры Лида всего пару раз звонила мужу на работу, но быстро отказалась от этой затеи – проще было съездить в офис и вызвать Алешу на лестницу. Но сейчас она решила добиться толку, несмотря на то что уже началась третья пара. Наконец к телефону подошла какая-то женщина, которая по крайней мере знала, о ком идет речь.

– Свирский? Я его сегодня не видела. Наверное, куда-то ушли.

– А вы не могли бы узнать точнее? – взмолилась Лида. – Понимаете, это жена... Я беспокоюсь, потому что вчера он не пришел домой.

– Вот как? – озадачилась та. – Хорошо, я сейчас схожу к ним в отдел. Вчера он задержался после шести, я видела его, когда уходила...

– А у них не было никакой вечеринки? Может быть, отмечали...

– Хеллоуин? – иронически подхватила та. – Да уж, отмечали так отмечали! Сегодня все явились с похмелья... Кроме меня. Куда вам перезвонить?

– Я подожду, – жалобно повторила Лида то, что ей пришлось произносить уже не раз.

Женщина вернулась через несколько минут, и теперь ее голос звучал по-настоящему озабоченно. Она сообщила, что никто из ближайших соседей Алеши по отделу не видел его с самого утра.

– И он не предупреждал, что опоздает, – сказала она. – А вечеринки у них вчера не было – все ушли, он остался последним.

– Зачем он задержался? – Лида перехватила нагретую трубку другой рукой. – Была срочная работа?

– Вот не знаю... Нужно бы спросить у охраны, когда он ушел, но сегодня дежурят другие парни. Вы не беспокойтесь, все разъяснится.

– Конечно, – упавшим голосом ответила Лида. – Надеюсь.

– Дайте ваш телефон, я перезвоню, если что-то узнаю, – попросила та. – В самом деле, куда он делся? У нас такая толкучка, что пропади генеральный директор – сразу не заметишь.

Лида продиктовала номер, поблагодарила и провела остаток лекции в читальном зале, положив перед собой подшивку какой-то газеты. Она не читала, а смотрела в окно, оглядывая пустой замерзший двор, облетевшие деревья, ленивую рыжую собаку, обреченно плетущуюся в

направлении столовой... «Ну что могло случиться? Куда он поехал после работы? Невероятно! Вечеринки не было, значит, никто не позволил бы ему остаться в офисе на ночь».

Света появилась перед началом четвертой пары. Мрачная, растрепанная, она швырнула на стол расстегнутую сумку и небрежно скинула пальто, подметая пыльный пол красными рукавами. Лида едва взглянула в ее сторону – настолько ушла в свои мысли. Та заговорила первая:

– Будь оно все проклято! Я без копейки!

– Что?

– Я говорю, что цены в клубах дикие, стакан паршивого пива, которое и пить-то нельзя, стоит девяносто рублей! Взвинтили цены по случаю праздника, козлы! Чтобы я еще раз...

Лида вздохнула:

– Никто тебя не неволил куда-то идти. Что это вообще за праздник такой!

– Весело же, – протянула Света с таким жалобным выражением, что ее подруга невольно улыбнулась – впервые за день. – Не сидеть же дома в такую ночь. Ох!

Она порывисто приложила к виску ладонь и умолкла. Поморщившись, Света продолжила отчет о своих вчерашних развлечениях. Судя по ее словам, она умудрилась посетить сразу несколько клубов, передвигаясь по ночному городу на машине, в маскарадном костюме, раз от раза все более захмелевшая. Но никто ее не остановил – хотя бы в этом повезло. Лида слушала вполуха – ее меньше всего интересовало, сколько партий выиграла Света в бильярд, каких знакомых встретила и кто как был разодет по случаю Хеллоуина.

– В клубы без костюма не пускали, ну я и оделась ведьмой, – сообщила Света. – Надела красное шелковое платье, ну ты его помнишь, с вырезом и широкой юбкой. Я ведь его почти не ношу, вот и пожертвовала – порезала подол в клочки, кое-где прожгла материю, чтобы было пострашнее. Намазалась, сделала себе венок из сухих трав – получилось шикарно! Правда, к утру все размазалось и осыпалось, но мне уже было все равно... А ты что такая кислая?

Она наконец заметила подавленное настроение подруги. Слегка замаявшись, Лида все-таки сообщила причину своего расстройства:

– Хотя бы позвонил! Я уже не знаю, что думать. У него же нет регистрации, Алеша вполне мог загреметь в милицию. Бывают же такие ретивые патрули... Им все равно, кого брать.

Света снова принялась растирать висок. Она смотрела на подругу с недоумением и как будто порывалась что-то сказать. Наконец пожала плечами:

– Странно, а я думала, что вы вместе развлекаетесь... Даже удивилась, когда увидела его.

– Кого?!

– Да твоего Алешу, – все так же недоуменно продолжала Света. – Думала, ты где-то рядом, еще удивилась, что вы не пожалели денег... Один входной билет стоил триста рублей! Впрочем, кажется, двести пятьдесят. Или это было в другом клубе?

Лида нахмурилась:

– Ты что-то путаешь, ни в каком клубе он не был!

– Я его видела, говорю тебе. А ты, стало быть, ждала его дома? – Бывшая «ведьма» прикрыла глаза, пережидая очередной приступ дурноты, судорожно сглотнула и торжественно поклялась – тот, кого она встретила в веселящейся ночной толпе, не мог быть никем иным, кроме Алеша.

– Ты хочешь сказать, что он пошел в ночной клуб? Без меня? И ничего не сказал?!

– Чему ты удивляешься? – пробормотала та. – Обычная история... Еще странно, что у вас это не началось раньше. Сколько вы вместе? Пятый год? Самое кризисное время.

– Не может этого быть... – начала Лида, но Света ее оборвала:

– Тс-с, препод! Потом обсудим.

Всю пару Лида просидела, будто окаменев. Она держала ручку, смотрела на кафедру, но не различала ни единого слова, не записала ни строчки. Рядом, изредка постанывая, пыталась

составлять конспект Света. Иногда на нее находило такое покаянное настроение, и как правило – с тяжелого похмелья, как будто она старалась загладить вчерашние грехи нынешним примерным поведением. Наконец в недрах здания затрещал звонок. Лида немедленно повернулась к подруге:

– Это был не он! Ты перепутала!

– Ага, думай так, если тебе хочется, – язвительно ответила та. – Он был без маски, твой Алеша, держал ее в руке. Наверняка купил на входе, чтобы пустили в клуб, – там продавались какие-то картонные уродцы по бешеной цене. Так что его лицо я рассмотрела очень даже хорошо! Если ты не веришь, можно спросить Сережу. Он тоже мог его видеть.

– Ты была с братом?

– До определенного часу, – задумчиво призналась она. – Куда он делся после трех – убей, не помню. Из клуба я уехала одна, не смогла его отыскать. А твоего супруга наблюдала где-то в два. Было самое горячее время, ну а потом все перепились, и было уже не так весело. Даже жутковато, по-настоящему... Сборы зомби... Самое паршивое, что в том клубе я не встретила знакомых, а веселиться в одиночку... – Света яростно хлопнула себя по виску, будто убивая невидимого комара, и заключила: – Это не для меня. Пропавшая была ночь!

– Не верю, – после тягостной паузы ответила Лида. – Тебе показалось, что это был Алеша. Это был кто-то другой.

– Разумеется, это был его брат-близнец, – фыркнула та, начиная собирать вещи. – Такой имеется?

Лида молча одевалась. То, что сообщила подруга, звучало настолько странно, что она не принимала это даже как гипотезу. Алеша и ночной клуб? Алеша и дорогие билеты, карнавальная маска, а самое главное – Алеша и его удивительное равнодушие к тому, что его ждут, о нем беспокоятся! Это был не он, это не мог быть он!

Света тоже умолкла. Девушки вместе спустились во двор, не глядя друг на друга, и казалось по отдельности, хотя держались они рядом. Света отперла машину:

– Садись, нужно кое-что уточнить. Ты меня заинтриговала, не могла же я так ошибиться!

– Что ты собираешься уточнять? – устало переспросила Лида. – Это был не он.

– Хорошо. – Света уже уселась за руль и жестом пригласила подругу занять место рядом. – Вот это мы и должны выяснить. Если я ошиблась – тем хуже для меня. Стало быть, у меня начались галлюцинации. Сережа должен был его видеть, если он действительно был там. Они стояли рядом и, кажется, беседовали... Не говори, что это мне приснилось!

Лида замерла, потом открыла дверцу и села в машину. Руки у нее слегка дрожали, она заметила это и крепко стиснула пальцы.

– Они разговаривали? – пробормотала она. – Ты видела, как они разговаривали? О чем?

– Вот мы и спросим, – решительно ответила та. – Сережка должен быть дома, он-то не учится, оболтус! Когда я уходила, он еще спал. Если не умотал к приятелям, то лежит у себя в комнате, опохмеляется и слушает музыку.

Света как в воду глядела – брат самолично отпер девушкам дверь и вяло поздоровался, глядя в пространство между ними. Он был в растянутой майке и тренировочных штанах, босиком. Черная шевелюра разлохмачена, взгляд пустой и тяжелый, голос охрипший – видно было, что ночные развлечения не прошли ему даром. Сестра бесцеремонно толкнула его в грудь и без предисловий потребовала:

– Давай, колись! Кого ты встретил в клубе «Три товарища»?

– Ни одного товарища. – Его непослушный язык шевелился с трудом, как будто во рту для него оказалось слишком мало места. – Паршивая была вечеринка, и музыка паршивая... Куда ты свалила после трех, кстати говоря? Я чуть от скуки не умер, а денег на пиво не осталось.

Света опустила на банкетку и блаженно вытянула ноги на середину прихожей:

– Не изображай из себя контуженного, мне тоже плохо. Вчера, после двух часов ночи, ты кое-кого там встретил. Я была у бара, а ты – у туалета, я видела, как ты курил. И к тебе кое-кто подошел.

Сергей сомнамбулически запер дверь, сделал попытку пригладить волосы и вдруг, как будто впервые, обнаружил Лиду.

– О, как жизнь? Вчера ты что-то была неразговорчива.

– У нее муж пропал, – отрубила Света. – А ты вчера с ним общался.

– Му-уж пропал? Это плохо.

Сергей говорил вразяжку, как будто серьезно, но Лида уловила в его тоне что-то иное – глубоко скрытое, замаскированное. И снова ощутила страшное напряжение, которое уже испытала в его присутствии вчера. Если бы не шрам – она бы смогла убедить себя, что парень все забыл. Но шрам должен был напоминать о давнем несчастном случае каждый раз, когда Сергей смотрелся в зеркало. И хуже всего – тот делал вид, что ни о каком шраме понятия не имеет. «А это значит, он затаил злобу, – подумала она. – Уж лучше бы прямо высказал претензии, все было бы ясно».

– Нет, ничьих мужей я там не видел, – сказал наконец Сергей. – Ты имеешь в виду парня, который вчера подошел к нам во дворе? Андрея?

– Алексея. – Это было первое слово, произнесенное Лидой. – Вчера он не вернулся домой и до сих пор не позвонил. И на работе его сегодня нет. – Она повернулась к подруге: – Я поеду, все ясно. Ты обозналась.

– Постой! – вскочила Света. Она успела снять сапоги и теперь торопливо нашаривала тапочки. – Ты никуда не поедешь, пока он не признается! Черт-те что, получается, что у меня началась белая горячка, так, что ли? Скоро отца родного перестану узнавать?

– Это твои проблемы, – удивленно ответил брат. – Я лично ими не страдаю. И пил вчера только пиво, а его в «Трех товарищах» так развлекают, что...

– Но ты же говорил с Алешей – я вас видела! – настаивала сестра.

В ее голосе звучала уже не уверенность, а что-то похожее на отчаяние. Лида задержалась у двери. Она хотела уйти, побыстрее покинуть этот дом – как всегда... Но что-то ее удерживало. Искреннее недоумение подруги? Станный, то ли снисходительный, то ли издевательский тон ее брата? В их споре что-то не складывалось, мелькала какая-то неясная тень, которая тревожила девушку и заставляла прислушиваться. Наконец, исчерпав все доводы, Света воскликнула:

– Какого черта, это был именно он! Я еще хотела подойти к вам, но меня как раз начали обслуживать в баре, а к стойке было не пробиться, не могла же я все бросить! А потом, когда я обернулась, вас там уже не было! Я не видела тебя после этого и решила, что вы вместе куда-то ушли!

– Сумасшедшая, – бросил Сергей. – Тебе нужно лечиться! Зачем бы я стал с ним говорить, даже если бы встретил? Мне до него дела нет.

– Нет? А зачем ты тогда намекал ему, что очень хорошо знаком с его женой?

Лида прерывисто вздохнула – именно этого она боялась, и это все-таки случилось. Она подошла к подруге и взяла ее за руку, будто в поисках защиты. Света крепко сжала ей пальцы:

– Не бойся, мы выьем из него эту дурь. Ну, к чему были эти намеки? Алеша бог знает что мог подумать! Какие такие у тебя были отношения с Лидой, скажи на милость? Вы и виделись сто лет назад, один раз! – Она все больше заводилась, и в ее голосе снова звучали уверенные, агрессивные нотки. – Кто тебя за язык тянул там, во дворе? Ты же сам тогда наварлся, а теперь ищешь виноватых?

Сергей быстро и, казалось, машинально потер левую щеку. Кривой шрам побелел, а через секунду налился розовым цветом. Лида невольно отвела взгляд.

– Ни на что я не намекал, нужно же было как-то поддержать разговор, когда ты нас представила! Ну я и сказал, что хорошо знаю его жену. Про это, – его рука снова порывисто поднялась к лицу, будто ее дернул за ниточку невидимый кукловод, – я вообще не обмолвился!

– Нет, ты сказал еще кое-что! – возразила Света. – Ты сказал, что очень хорошо ее знаешь и часто вспоминаешь.

– А если это правда? – Сергей с непередаваемой улыбкой посмотрел на Лиду. Это была та самая, неподвижная и пугающая ухмылка, которую она уже видела когда-то... Которая и сейчас, под защитой подруги, приводила ее в смятение.

– Значит, не признаешься?

– У тебя проблемы, сестренка, – ответил он и ушел к себе в комнату.

Оттуда немедленно донеслась музыка – что-то классическое, похожее на духовные песнопения. Света, против ожидания, не пошла за ним – она покачала головой и как-то поникла.

– Если он уперся – уже ни за что не сознается, – сказала она. – Мы сразу неправильно взялись за дело. Я не должна была тебя привозить, нужно было поговорить с ним с глазу на глаз.

– Он в самом деле на что-то намекнул Алеше, когда ты их познакомила?

– Для меня это прозвучало как намек – я же знаю, что у вас случилось. А твой муж вряд ли что-то понял, разве что почувствовал... Ты ведь ничего ему не говорила?

– Конечно нет. – Музыка стала громче, теперь вступил орган. Лида ожидала услышать из комнаты Сергея любые мыслимые звуки, кроме этих. Они настолько не подходили к ее представлению о парне, что тоже казались рассчитанной издевкой. – Я бы ни за что в таком не призналась. Алеша, знаешь ли, и так был против, чтобы я к тебе ходила...

Это откровение вырвалось у нее неожиданно – Лида была настолько удручена более серьезными вопросами, что эта маленькая тайна вышла на свет сама собой. Но Света ничуть не удивилась. Она заметила, что давно подозревала о чем-то подобном, и хотя не заслужила такого отношения, но вполне может понять Алешу.

– Он ревновал тебя к каждому встречному столбу, – заявила она. – А раз мы лучшие подружки – то я для него была врагом номер один. Дурно на тебя влияю? Глупости. Он просто хотел заполучить всю твою любовь для себя одного!

– Не говори о нем в прошедшем времени, – попросила девушка. – Я и так думаю бог знает что...

Она попросила разрешения позвонить, набрала свой домашний номер. Никто не подошел к телефону – Вера Сергеевна, вероятно, куда-то отлучилась. Прощаясь с подругой, Лида попросила ее вытянуть из брата все, что возможно.

– Я не думаю, что ты могла обознаться, – сказала она. – Ты слишком хорошо знаешь Алешу. Но то, что он оказался в этом клубе, – слишком невероятно...

– Если я не обозналась, значит, лгу, – обиделась Света. – Зачем мне это нужно? Врет как раз Серега, и я выясню почему. У меня свои методы... Ты иди, и я им займусь. Думает, врубит своего Гайдна и все в порядке! Сейчас я ему устрою!

Что и как собиралась устроить Света – осталось неясным, но когда она запирала дверь, вид у нее был чрезвычайно воинственный. Лида в смятении поспешила домой.

Веры Сергеевны все еще не было, а в двери квартирантов торчала крохотная записка. Девушка схватила ее, надеясь увидеть почерк мужа, но тут же сникла. Записку написала хозяйка. Она кратко сообщала, что звонили жене Свирского (то есть Лиде) с его работы и просили передать, что вчера он ушел из офиса в половине восьмого.

Девушка отперла дверь, оглядела комнату и устало присела на край разобранной постели. Ничего – ничего утешительного. Алешу видели в половине восьмого в офисе, потом – если допустить такую возможность – в каком-то ночном клубе после двух часов ночи. Что все это значило? Перед ней снова появлялось лицо Сергея, его странная улыбка и порозовевший шрам на щеке. «Да он может соврать, особенно мне. Меня он должен ненавидеть. Но каким образом

Алеша попал в тот же самый клуб, где развлекались брат с сестрой? Случайно?! Ни за что в такое не поверю. В Москве слишком много таких заведений, чтобы допустить простое совпадение... И что он мог там делать, каких развлечений искать? Если он все-таки там оказался, то...»

Она боялась додумывать, но догадка возникла сама собой – она была единственно допустимой, и Лидя просто не могла от нее отмахнуться. Она попыталась привести свои мысли в порядок и взглянуть на случившееся со стороны.

Вчера во время обеденного перерыва ее муж случайно встретил человека, который считал Лиду своим врагом. Этот человек намекнул ему на какую-то давнюю и неприятную историю, связанную с женой. А может быть, у Алеши возникли другие подозрения... От этой мысли Лиде захотелось плакать. «Он мог подумать, что я потому и дружила со Светой, что была близка с ее братцем! Господи, только бы он не подумал ТАК! А вдруг он поэтому и не звонит? Обиделся, ушел? Господи, только бы не это, все что угодно, но не это!» Одно она знала точно – если у Алеши возникли какие-то вопросы, он попытался бы их разрешить. Как он мог это сделать? «Поговорить со мной начистоту. Он должен был поговорить со мной... Но, – возразила она себе, – он ведь пытался это сделать, когда мы вышли из институтского двора, а я отделилась общими словами. Какое у него было лицо... Будто он не верит мне до конца!»

И что же дальше? Как мог поступить Алеша, если решил не обращаться за разъяснениями к жене? Ответ был очень прост – он должен был позвонить Сергею. Зная, что он брат Светы, Алеша мог предположить, что они живут в одной квартире, а телефон был ему известен. Значит, он позвонил, попал на Сергея – ведь Света ничего об этом не знает. Что далее? Сергей, со своей кривой ухмылочкой, предпочитает помучить его, потянуть время, уходит от прямого ответа и... Назначает встречу в ночном клубе, куда предполагает отправиться с сестрой?

«Что он мог рассказать обо мне? Все обратилось бы против него самого! Разве он сказал бы правду – что напился, вел себя безобразно, оскорбил меня, приставал, а я только защищалась? Нет, если Алеша до сих пор не вернулся и не позвонил, ему рассказали какую-то другую историю... Как это мерзко! Как я боялась их встречи! Но я думала, что Алеша поверит мне, а не ему! Он ДОЛЖЕН был поверить мне!»

Она сгребла подушку, уткнулась в нее загоревшимся лицом и тихонько заплакала.

* * *

– Выключи музыку – есть разговор.

Не дожидаясь, пока брат выполнит ее требование, Света сама нажала на кнопку «стоп» и достала диск из проигрывателя.

– И не пытайся рассказывать сказки, сейчас мы одни.

Сергей лежал на тахте, заломив руки за голову и разглядывая потолок. По его виду трудно было понять, слышал ли он хоть одно слово, – парень не сменил позы, не сделал ни единого движения. Сестра присела рядом и потрясла его за колено:

– Ну хватит дуться, признайся, что я права!

– Отстань. – Казалось, тот сосредоточенно разгадывает тайны белого потолка. – Не лезь с пустяками.

– Это были бы пустяки, если бы парень вернулся домой.

– На что ты намекаешь? Что я его убил в туалете?

– Ах, значит, вы все-таки встретились в туалете? – вцепилась в него Света.

Сергей скосил на нее невозмутимые серые глаза:

– В мужских туалетах встречаются парни определенной ориентации, если тебе это известно. Ты и это на меня готова навесить?

– Будь человеком, – почти ласково заговорила она. – Никто тебя ни в чем не обвиняет, только скажи правду – это был он или нет? Потому что у меня уже голова кругом идет.

Сергей неожиданно приподнялся на локте. Его опухшее лицо приблизилось к лицу сестры.

– А если он и правда там был, тогда что? – тихо спросил Сергей. – Тогда твоя маленькая подружка решит, что я его убил, а труп порезал на куски и раскидал по залу? Кстати, никто бы даже не заметил! Предположим, я так и поступил – а теперь отвали!

– Не говори глупостей. – Света даже испугалась. – Это был он?

– Он.

Некоторое время оба молчали, глядя друг на друга. Сергей не зажег света, и в наступающих сумерках их лица казались расплывчатыми серыми пятнами в окружении черных волос. Они с трудом различали друг друга, но все-таки не отводили глаз, будто каждый ждал, что заговорит другой. Первой не выдержала Света.

– Как он туда попал? – тихо спросила она. – Случайно?

– Тебе и это нужно знать? Допустим, он позвонил сюда вечером, и я ему сказал, куда мы с тобой собираемся после полуночи. Допустим, ему захотелось пойти в тот же клуб. Что здесь такого?

– Он звонил сюда? Мне или тебе?

– Лично мне. Ты в это время уродовала свое красное платье. Он желал пообщаться. – Сергей снова откинулся на спину и задумчиво проговорил: – Только я-то решил, что он явится со своей малюткой-женой. Как я понял, это идеальная парочка – никуда друг без друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.